

*Пушоту
&
Ленинград*

РУДОЛЬФ ИТС

КУНСТКАМЕРА

РУДОЛЬФ ИТС

КУНСТКАМЕРА

ЛЕНИЗДАТ • 1980

Эта книга об истории первого русского музея — петровской Кунсткамеры. Автор ее — доктор исторических наук этнограф Р. Ф. Итс — рассказывает о некоторых русских ученых и ревнителях науки, посвятивших свою жизнь собиранию и изучению коллекций музея; о наследнике здания и первых коллекций Кунсткамеры Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР, об уникальных коллекциях музея.

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Каждый, кто приезжает в Ленинград, чтобы познаться с его достопримечательностями, с его уникальными музеями, стремится побывать и в Кунсткамере — первом русском музее.

...Перейдя Дворцовый мост, вы попадаете на Стрелку Васильевского острова, в удивительный мир классической архитектуры. Справа высятся строгие Ростральные колонны. Слева, в перспективе набережной, знаменитые Двенадцать коллегий — ныне Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова; чуть ближе к вам — здание с колоннадой — административный корпус Академии наук, а почти против моста — строгое, увенчанное башней здание, которое по сей день называют Кунсткамерой. На здании мраморные мемориальные и опознавательные доски, из надписей на которых вы узнаете, что это — одно из старейших зданий Ленинграда. Оно закончено постройкой уже в 1728 году, а ведь город только начинался в 1703-м. Вы узнаете, что здесь, в этом здании, работал великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов, титан русской и мировой науки...

Петр I, сооружая новую столицу на берегах Невы, замыслил именно Васильевский остров сделать центром столичного города. Вот потому здесь и возводились: Двенадцать коллегий — правительственные учреждения, здание с башней — Кунсткамера — первый российский музей «для поучения и знания о живой и мертвой природе, об искусстве человеческих рук», учреждение, с которого началось музейное дело в России. Да и не только музейное. Кунсткамера положила начало и некоторым исследовательским институтам в России.

Стрелка Васильевского острова не стала центром столицы, но она на многие годы стала центром русской науки... И поныне здесь, в академических институтах и музеях, в университете, царствует наука.

В здании бывшей Кунсткамеры в наши дни размещены два музея. Один рассказывает о культуре и быте народов всех населенных континентов Земли, другой — о жизни и деятельности М. В. Ломоносова. Первый называется Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук СССР. Антропология изучает физическое строение человека, возникновение расовых различий; этнография — происхождение народов, своеобразие культуры и быта каждого из более чем двух тысяч народов, составляющих современное человечество.

Видимо, никого не надо убеждать, что для создания подлинной истории народа, большого или малого, надо знать все стороны его культуры и быта, которые изменяются под влиянием времени и иных факторов.

В наше бытие из прошлого пришли человеческие страсти и человеческий ум, труд сотен миллионов поколений. Отнимите от нас достигнутое предками — и сотрутся с лица земли города и заводы, необработанной и недобытой горной породой рухнут в недра скал косми-

ческие аппараты и воздушные лайнеры, рассыплется плотины и мрак опустится на ночную землю. Святой долг человека — не забывать прошлого и быть благодарным тем, кто шел впереди!

Этнография берет свое начало в глубокой древности. Первые этнографические сведения мы находим в древнеегипетских сообщениях о соседних с царством фараонов племенах и народах. В самостоятельную отрасль знаний этнография превратилась в середине XIX века, но в то время она была по преимуществу наукой о культурно отсталых народах. Сегодня — это наука о формировании тех конкретных особенностей, из которых складывается мировая цивилизация...

Возвращаясь из экспедиций в самые отдаленные края, этнографы привозят с собой драгоценные частицы народной культуры и быта: орудия труда, предметы домашнего обихода и культа, национальные костюмы и образцы прикладного искусства. Эти собрания пополняют коллекции этнографических музеев — хранилищ творений рук человеческих со всех концов земли.

Проходя по залам этнографического музея, остановитесь перед небольшой витриной, где лежат похожие на лопасти весел, почерневшие от времени большие плоские толстые дощечки. Их поверхность с двух сторон усыпана замысловатыми фигурными письменами. Это ронго-ронго — знаменитое «говорящее дерево» рапануйцев — жителей острова Пасхи. Эти дощечки привезены в музей Н. Н. Миклухо-Маклаем. Вглядитесь в очертания этих загадочных письмен, и вам вспомнится многолетняя дискуссия о культуре этого таинственного острова, на побережьях которого, как стражи, высятся гигантские каменные изваяния.

Коллекции этнографических музеев — ценный источник для изучения культуры и быта народов разных стран. Они свидетели человеческого гения и упорства

в борьбе с природой, они не безмолвны, они умеют говорить об истории и делах своих создателей.

Крупнейшим в мире этнографическим собранием, где представлены многие живущие и жившие на Земле народы, является Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук СССР в Ленинграде. Он — источниковедческая база Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Музей — наследник здания и первых этнографических и антропологических коллекций знаменитой петровской Кунсткамеры. В августе 1974 года музей отметил свое 260-летие. Об этом музее, об истории его уникальных коллекций и прежде всего о людях, их создавших, пойдет рассказ в этой книге.

Еще на Балтийском море нет ни одного русского корабля или русской лодочки. Еще хозяйничают в Финском заливе шведы и еще предстоят две великие битвы — под Полтавой и у Гангута, — которые окончательно закрепят право России на выход к Балтике.

Истекают последние годы XVII века. Российский царь Петр I проводит невиданные дотоле реформы в области управления страной, военного дела, экономики, политики и дипломатии. Он проводит реформы, убеждая и принуждая, «не останавливаясь, — как писал В. И. Ленин, — перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Россия конца XVII века уже сбрасывала боярские одежды, передовые люди ее тянулись к знаниям, создавали личные и монастырские библиотеки, уже до Петра I были написаны первые учебные пособия по грамматике и счету. Царь Петр отчетливо понимал эту тенденцию и придавал ей государственное значение.

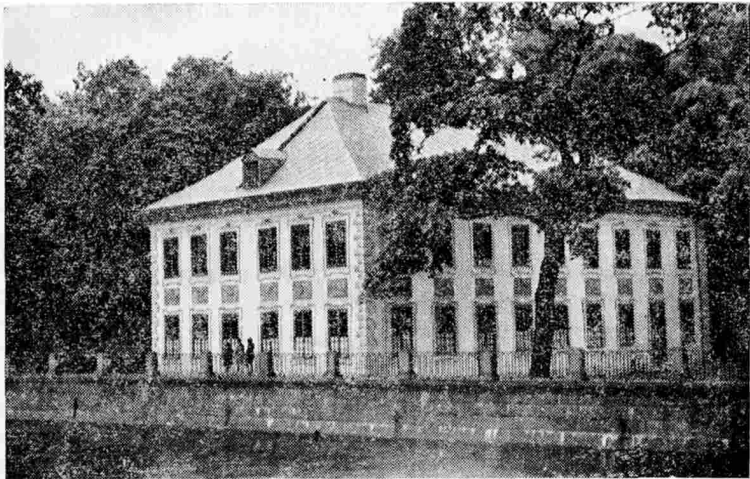
Стремясь заимствовать в других странах все, что может быть полезно для развития России, Петр I вступал в переписку с видными учеными и инженерами, испра-

шивая их советов, предлагая им службу при русском дворе. Письма шли подолгу. Курьеры часто догоняли царскую карету либо в чужих странах, либо в отдаленных концах России.

Обстоятельный ответ великого математика и философа Готфрида Лейбница на просьбу высказать мнение о путях просвещения, распространения знаний, о создании в России «Кабинета редкостей» Петр получил через полгода. Лейбниц писал: «Иностранные вещи, которые следует приобрести, — это разнообразные книги и инструменты, курьезности и редкости. Все то, что можно будет распространять, чему можно обучаться в стране. Для этого потребуются библиотеки, книжные лавки, кабинеты редкостей, естественных и искусственных вещей, ботанические и зоологические сады... Кабинет должен содержать все значительные вещи, редкие произведения, созданные природой и искусством. Их можно перечислить в небольшом томике. В отношении природы необходимы, в частности, камни, металлы, минералы, естественные растения и их искусственные воспроизведения, животные в высушенном виде и сохраненные в спирте, скелеты, картины и другие воспроизведения всего, что не удастся получить в подлинных образцах.

Искусственные вещи могут быть в виде рисунков, моделей и копий всевозможных удачных изобретений, математических инструментов, подозрных труб, зеркал, стекол, часов, картин, статуй и других скульптур, моделей и разных древностей — одним словом, все то, что может наставлять и нравиться».

В начале нового, XVIII века в Московский Кремль прибывают первые приобретенные царем в его зарубежных вояжах или полученные им в дар диковинные вещи и инструменты. В московскую Аптекарскую канцелярию поступают закупленные за рубежом медицинские препараты. Пройдет совсем немного времени, и по

Летний дворец Петра I. Здесь первоначально размещались коллекции Кунсткамеры.

России будет распространен указ Петра «О приносе родившихся уродов...» — приказ, приводивший в ужас невежд, но по сути своей способствовавший распространению знаний, так как в нем подчеркивалось естественное, а не бесовское происхождение уродства.

Коллекция медицинских препаратов пополнялась за счет поступлений из анатомического театра Московского госпиталя. Из второй заграничной поездки Петр привез интересное собрание минералов. А в это время уже вставал над Невой новый город, новая столица России, куда в 1714 году Петр I распорядился перевезти из Москвы все свои личные коллекции, включавшие предметы культуры и быта из стран Европы и Азии, минералы, зоологические и медицинские препараты, раз-

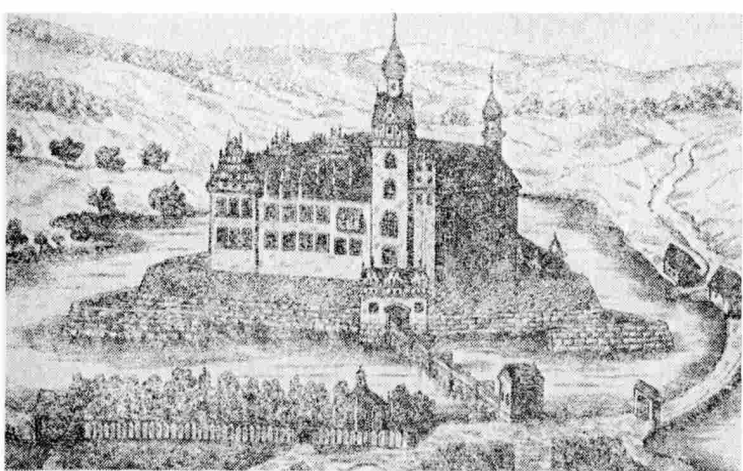
ные инструменты и станки, собрания Аптекарской канцелярии.

В новой столице, в Летнем дворце Петра, было выделено специальное помещение, названное на европейский манер «Кабинетом редкостей» — «Куншткамерой». Так было положено начало первому русскому музею.

Наряду с другими предметами здесь хранились приобретенные российским самодержцем в Голландии редкие вещи «из восточной и западной Индии и других восточных стран», в том числе китайские изделия из камня, слоновой кости и сандалового дерева. Здесь же размещалось уникальное собрание анатомических препаратов голландского анатома Рюйша (Рейса). Еще в бытность свою в Голландии в 1698 году Петр познакомился с этим выдающимся ученым, присутствовал на его анатомических занятиях, купил за баснословную сумму — 30 000 гульденов — его знаменитую коллекцию из бальзамированных и сушеных препаратов. В бывшем слоновнике зверового двора хранился самый большой и самый драгоценный экспонат Кунсткамеры — Готторпский глобус. Интересна история его появления в Кунсткамере...

...Ветер с Балтики гнал свинцовые тучи. Густой утренний туман рассеивался, но крупные хлопья снега застилали простор. Тепинген — город-крепость Шлезвиг-Голштинского герцогства — выглядел мрачно. Дома на узких улицах стояли с наглухо закрытыми ставнями. Редкий прохожий пробежит и скроется в подворотне. Тишина. Слышатся лишь шаги патрулей и лязг оружия. Все, кто был способен сражаться, уже много дней находились на крепостной стене, защищая свой город от осаждавших его шведов.

На исходе 1713 года русские войска подошли к Тепингену. Они спешили на помощь осажденным шлезвиг-голштинцам. Когда защитники города готовились

Готторпский замок.

встретить новый штурм шведов, над холмами далеко за крепостной стеной раскатисто прогремело многоголосое «ура».

С развернутыми знаменами лавиной катились русские полки. Враг бежал. Горожане радостно и удивленно озирались по сторонам. Бой уходил все дальше и дальше. Многомесячная осада кончилась.

Еще на чуть припорошенной снегом земле оставались неубранными трупы, а город уже приобретал праздничный вид. Открылись крепостные ворота, распахнулись двери домов, окна. Повсюду зажигались яркие светильники, и будто посветлело еще недавно сумрачное небо.

На площади перед Готторпским замком трещали и хлопали вспышки праздничного фейерверка. Опекун малолетнего герцога принимал в замке русского царя и

его офицеров. За богато уставленным яствами столом много было сказано во славу русского оружия и самого знатного гостя — Петра I. Зная об интересе Петра к редкостям, опекун предложил осмотреть коллекции замка.

По галереям и узким переходам все устремились за опекуном герцога. В большом зале нижнего этажа были и золотые сабли, и кубки, осыпанные драгоценностями, и часы с водяным механизмом, и вырезанные из кости причудливые заморские животные.

В одном из помещений замка внимание Петра привлек огромный глобус, диаметром 3,11 метра. Готторпский глобус — чудо XVII века, один из первых планетариев мира и невиданная по размерам копия Земли с известными к тому времени морями и странами. Петр остановился и стал внимательно разглядывать глобус. Снаружи он был оклеен бумагой. На ней нарисованы контуры и очертания земли. Внутри шар представлял собой небесный купол багряного цвета с медными звездами. Петр похлопал рукой по шару и медленно произнес:

— Изрядно же.

Опекун улыбнулся:

— Ваше величество, это самая большая драгоценность нашего замка, шар сработал еще в тысяча шестьсот сорок четвертом году наш голштинский мастер Андрей Буш. Пройдем внутрь диковинки.

Опекун открыл небольшую дверь с герцогским гербом и первым вошел внутрь.

В полумраке можно было различить круглый столик, через центр которого проходила ось шара, а вокруг столика скамейка на 10—12 человек. На нем — маленький медный глобус с выгравированными изображениями материков. Петр сел на скамейку.

Зажгли светильники. Над головой и под ногами за-

блестели звезды багряного неба. Опекун подал знак. Небо стало вращаться, повторяя движение истинной небесной сферы. Не смолкали возгласы удивления.

Петр долго рассматривал глобус и его хитроумное устройство, которое заставляло шар вращаться.

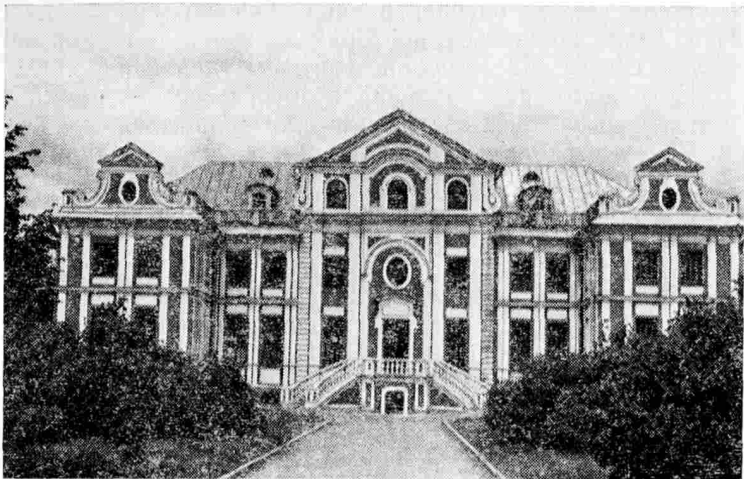
Через несколько дней русские войска уходили из Тепингена. Их провожали все жители. Петр покидал замок. Его сопровождали опекун и многочисленная свита герцога. Сам герцог был болен. Во время прощания опекун передал слова герцога, что в знак благодарности за спасение города шлезвиг-голштинцы дарят русскому царю глобус, так поразивший Петра.

Четыре года голштинский подарок был в пути. От Тепингена до Ревеля (так раньше называли город Таллин) его везли морем. В Ревеле глобус поставили на огромные сани. Сотня крепостных впряглась в сани и потащила их в Петербург, обходя овраги, болота и леса. Там, где лес нельзя было обогнуть, прорубали просеки.

Драгоценный дар Петр I, возможно, намеревался поместить в одной из башен новой Кунсткамеры, которую уже замыслил построить. Но, как ни долго был в пути глобус, его привезли в столицу раньше, чем началось строительство здания. Временно «готторпское чудо» поставили в бывшем слоновнике — зверовом дворе. Затем сколотили специальный балаган и открыли в него доступ публике.

В дворцовых комнатах коллекциям было тесно, они были недоступны для обозрения широкой публики. Первый русский музей, созданный для просвещения и знакомства с диковинками природы и человеческого разума, нуждался в специальном помещении.

В конце 1717-го или начале 1718 года экспонаты музея были перенесены из Летнего дворца царя в огромный, по тогдашним понятиям, двухэтажный дом, только что конфискованный казной у опального боярина Алек-

Кикины палаты — первое музейное здание Кунсткамеры.

сандра Кикина. Богато отделанные пять хором Кикиных палат, что до сей поры стоят недалеко от Смольного, чуть в глубине от улицы Воинова, в конце 1718 года приняли коллекции Кунсткамеры, которых, по словам очевидцев, было так много, что «можно было... совсем растеряться». Так личное собрание Петра I стало общедоступным музеем.

Не многие современники Петра понимали, что царская причуда собирать заморские диковинки, инструменты, станки, а также камни, минералы и растения со всех концов России закладывает основы русской науки. Не всем было понятно и желание царя построить специальное здание Кунсткамеры рядом со строившимися правительственными зданиями на Стрелке Васильевского острова в Петербурге.

В планах возведения столичного города на болотистых берегах Невы и ее притоков особое место Петр уделял этому острову. Выдающийся архитектор Д. Трезини представил царю проект застройки Стрелки острова, где предполагалось разместить центр столицы. Оконечность Стрелки превращалась в удобную пристань для кораблей. На ней возводились два маяка — Ростральные колонны, за ними открывалось обширное поле, дальний конец которого обрамляло величественное здание Двенадцати коллегий — правительственные учреждения России. По берегам Большой и Малой Невы должны были быть размещены другие государственные службы, в том числе и Кунсткамера.

Стрелка Васильевского острова не стала столичным центром, но размещение на ней Кунсткамеры, которую справедливо называют колыбелью русской науки, привело с течением времени к формированию здесь крупнейшего научного и учебного центра и Петербурга, и всей страны.

Рассказывают, что, прибыв на Стрелку, чтобы воочию представить проект Трезини, Петр I обратил внимание на одну из сосен, которые росли здесь. Несколько толстых ветвей ее, причудливо переплетенные, выросли в ствол, изогнулись и образовали полукольца.

— О! Дерево-монстр, дерево-чудище! — будто бы воскликнул Петр и добавил: — Так быть на сем месте новой Кунсткамере.

Новое здание Кунсткамеры, входившее в ансамбль Трезини, по одобренному самим Петром проекту архитектора Г. И. Матарнови было заложено в 1718 году. Закончили его строительство, внося некоторые изменения, архитекторы Н. Ф. Гербель, Г. Киавери и М. Г. Земцов в 1734 году.

В 1724 году, когда была основана Петербургская Академия наук, Кунсткамера вошла в ее состав; в ее

здании расположились и коллекции, и библиотека, и академические мастерские. Вскоре сюда был перевезен и Готторпский глобус.

В июле 1726 года двадцать пять плотников соорудили мостки и опоры, щиты и ящики для глобуса и его механизмов. К балагану свезли тысячу сто самых толстых досок, восемьдесят бревен, пятнадцать пудов железных изделий, сто саженей толстого каната и разные блоки. К берегу Невы подогнули три грузовых судна и три большие шлюпки. Их скрепили досками и бревнами. Получилась баржа невиданных еще размеров.

Сто мужиков перетаскили глобус из балагана и погрузили на баржу. Команда налегла на весла, и баржа медленно направилась к противоположному берегу, где строилось здание Кунсткамеры. Когда глобус подняли и установили на площадке третьего этажа башни, строители стали возводить стены и надстраивать башню.

Казалось, чудесный шар замурован в Кунсткамере навечно...

К 1728 году все коллекции Кунсткамеры были размещены в новом здании. Их принадлежность к Академии наук способствовала постоянному увеличению собрания за счет первых академических экспедиций, а также личных пожертвований ученых. Особенно богатая коллекция этнографических предметов — одежды, идов, орудий лова, саней — поступила в конце 30-х годов XVIII века от участников второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и С. П. Крашенинникова. В русской Кунсткамере, которая переживала еще первый этап накопления материалов, всевозможные коллекции располагались в определенном порядке, в логической закономерности, которой не знали еще кунсткамеры и музеи зарубежной Европы, представлявшие своеобразные лавки древностей.

Петербургская Кунсткамера становится важным цен-

тром просвещения. Она называется императорской, но самодержцы почти не посещают ее. Однако служители и ученые знают: экспонат, приглянувшийся императорской семье и взятый во дворец, как правило, оттуда не возвращается. Прошло менее полувека, а Кунсткамере пришлось пережить два крупных потрясения, нанесших значительный урон ее этнографическим коллекциям и уникальному Готторпскому глобусу.

То, что случилось зимой 1739/40 года, было подобно стихийному бедствию...

В декабре 1739 года, на десятом году царствования вздорной и жестокой императрицы Анны Иоанновны, в Петербурге наступили сильные морозы, каких давно не бывало. Нева и ее притоки были прочно скованы льдом.

В эту стужу временщику и любимцу императрицы Бирону пришло в голову в подражание голштинским мастерам соорудить на Неве, против Петропавловской крепости, Ледяной дворец и устроить празднество на потеху «матушке-государыне». Русский двор в ту пору был богат шутами и шутихами, которыми нередко становились дворяне, навлекшие неудовольствие временщика или «повелительницы всея Руси».

В программу праздничных увеселений было предусмотрено включить «потешную свадьбу» придворного шута князя М. А. Голицына с шутихой калмычкой А. Н. Бужениновой и «шествие народов», населяющих Российскую империю или живущих с ней по соседству. Свадьба и шествие намечались на 6 февраля 1740 года. К этому времени на основании высочайших распоряжений предписывалось: соорудить на Неве между дворцом и Адмиралтейством ледяной дом в несколько комнат, всю обстановку в которых сделать из льда. Академии поручалось представить описания с рисунками различных народов в национальных костюмах, их музыкаль-

ные инструменты, а из Кунсткамеры передать в ведение церемониймейстера двора множество костюмов, музыкальных инструментов, оружия и различной утвари, преимущественно сибирских народов. Распоряжение от 27 декабря 1739 года предписывало всем губернаторам и местным правителям срочно, к 6 февраля 1740 года, доставить в Петербург по одной молодой паре следующих народов России: «мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, якуты, камчадалы, остяки, мунгалы, башкирцы, кингисы, юнаки, кантыши, каракалпаки, арапы белые и черные и прочие, какие есть подданные российские», и описание «их платья, в чем ходят, и гербов на печатях или на других, на чем и на каких скотах ездят, оружия, музыкальных инструментов и национальных кушаний».

К исходу 3 февраля ледяной дом был сооружен. 6 февраля около трехсот гостей съехались к дому церемониймейстера двора князя Волынского. Отсюда началось «шествие народов», сопровождавших потешный поезд «новобрачных». Шута и шутиху посадили в железной клетке на слона. Слон выступал впереди шествия. За ним на санях, запряженных оленями, собаками, быками, козлами, свиньями, и верхом на верблюдах попарно ехали калмыки, башкиры, остяки, якуты, камчадалы, финны, ряженные в изуродованные переделкой костюмы дворцовые шуты и шутихи.

Лишь через несколько месяцев Кунсткамера получила обратно выданные вещи, и те — не полностью, а лишь частично, притом в испорченном, непригодном для экспонирования виде. Многие костюмы, утварь, оружие, средства транспорта были взяты придворными «на память». Так был нанесен великий урон музею, одному из центров науки и культуры того времени. Лишь в 1783 году, когда во главе Академии стала Екатерина Дашкова, она предприняла энергичные розыски пред-

метов, взятых на «потешную свадьбу», и кое-что ей удалось вернуть в Кунсткамеру.

Пострадав от «высочайшей забавы», экспонаты, представлявшие культуру и быт народов Сибири, Поволжья и некоторых соседних стран, все еще составляли существенную часть этнографического собрания Кунсткамеры, где были предметы со всех, кроме Австралии, населенных континентов Земли.

* * *

Прошло всего семь лет. При восемнадцатилетнем президенте Академии наук графе Разумовском всеми академическими делами стал ведать Иоганн Шумахер. Этот человек, льстивый с сильными и жесткий со слабыми, пользовался расположением императорского двора.

Ломоносов, так же как и его друзья и коллеги Рихман, Нартов, Миллер, относились к Шумахеру с открытой неприязнью. Появление Шумахера в Кунсткамере обычно вызывало раздражение работавших в ней ученых.

Зимой 1747 года Шумахер решил разместить в Кунсткамере некоторые свои службы и потеснил механическую мастерскую наиболее ненавистного ему Нартова.

Перемещение механической мастерской и вселение новых служб создали тесноту во всех помещениях. Кроме того, в Кунсткамеру поместили на жительство мастеровых, которые обслуживали рисовальные палаты и механическую мастерскую. В жилых помещениях стали усердно топить печи. Возможно, они были неисправны. Во всяком случае, многие видели именно в этом причину происшедшего вскоре несчастья.

...5 декабря караулы сменились, как обычно, в два часа пополуночи. За выюжный день намело сугробы.

Часовой третий час ходил вдоль здания Кунсткамеры. Прохожих не было видно.

Часовой отошел от здания к берегу Невы. Здесь под его охраной находился открытый купеческий склад. Обходя груды прикрытых холстинами тюков с товарами, завезенными в конце навигации, караульный вышел на невский лед. Ему показалось, что на остроконечных гранях льдинок играют красные лучи зари. Он поднял глаза к небу. Небо еще ночное, темное. Часовой вновь взглянул на грани льдин. В них на самом деле играли красноватые отблески. Он оглянулся. Из-под крыши Кунсткамеры с шумом вырывались длинные языки пламени.

Выстрелы часового подняли на ноги ближние караулы. Через несколько минут солдаты гарнизонного и лейб-гвардейского пехотных полков оцепили здание.

К месту пожара приехали Нартов и Ломоносов.

Объятые пламенем, полыхали три верхних этажа башни. Огонь уничтожал деревянные переборки стен, угрожал «императорскому кабинету», в котором хранились станки Петра и его восковая фигура.

Нартов с солдатами бросился в огонь. Они уже многое успели вынести на улицу, когда горящий Готторпский глобус превратился в огромный огненный шар. Спасти коллекции с галереи левого крыла было невозможно. Люди были в отчаянии...

Ломоносов с черным от гари лицом решительно двинулся навстречу огню. Вслед за Ломоносовым люди бросились в здание и стали выносить шкафы, станки. Распахнули окна. Прямо в сугробы полетели книги, костюмы разных народов, чучела.

Пожар затихал, когда появился Шумахер. Бледный, он ходил вокруг разбросанных на снегу вещей и беспомощно разводил руками. Ломоносов посмотрел в его

сторону и громко, чтобы все слышали, обвинил управителя в случившемся.

7 декабря 1747 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось официальное сообщение о пожаре. Оно было составлено Шумахером. В нем говорилось: «...драгоценные и художественные вещи, машины, модели и инструменты, так и... анатомические препараты и находившиеся в Кунсткамере звери, птицы, рыбы и прочие натуральные вещи, а также печатные и рукописные книги из библиотеки — все благополучно вынесено и спасено. Итак, главнейшая утрата состоит токмо в некоторых астрономических инструментах и часах, которые на обсерватории сгорели, в повреждении большого Готторпского глобуса, который малым изживением в прежнее и гораздо исправнейшее состояние привести можно, и в некоторых китайских вещах, платьях, идолах и подобных курьезностях сибирских народов, которые в тех местах легко опять собраны быть могут...» Сообщение начиналось как будто бесстрастно и объективно: «В прошлую субботу поутру в пятом часу учинился в палатах императорской Библиотеки и Кунсткамеры пожар, который через малое время так сильно распространился, что никоим образом невозможно стало палат спасти, а особливо, как огонь до башни добрался и оную охватил...». Такое перечисление потерь должно было уверить читателя, что ничего серьезного не случилось. Стремясь закрепить подобное убеждение, Шумахер через несколько дней в тех же «Ведомостях» поместил сообщение о посещении Кунсткамеры каким-то иностранным дипломатом и его отзыв о «чудом сохраненном Готторпском глобусе».

Это сообщение вызвало гнев графа Разумовского, насмешки среди придворных и сотрудников Академии. Скрыть истину было трудно, тем более что М. В. Ломоносов, принявший участие в тушении пожара и спа-

сении коллекции, не намерен был поддерживать версию управителя.

— Погорела в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с сибирскими и китайскими вещами, — отвечал он спрашивавшим.

Официальная версия никак не согласовывалась с теми действиями, которые продолжались десять дней после пожара на Стрелке Васильевского острова. Служители Кунсткамеры, Академии, добровольцы собирали разбросанные на сером от гари снегу книги и инструменты, идолов и коллекции. Все, что можно было сохранить и восстановить, разместили в уцелевших помещениях Кунсткамеры, здании Академии и в доме Строгановых. (После того как была оставлена идея превратить Стрелку Васильевского острова в центр столицы, участки вдоль Большой и Малой Невы продали вельможам, в том числе Строгановым и Демидовым. На месте их особняков были выстроены здания пакгаузов, где сейчас размещаются академические институты и музеи.) 15 сторожевых постов было установлено для охраны музейных ценностей. Срочно выселили жильцов из дома дворян Демидовых, почистили, выбелили помещения и к концу декабря разместили в нем Библиотеку и Кунсткамеру.

Через три с небольшим десятилетия подбиблиотекарь Академии наук Иогани Бакмейстер в своем сочинении «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук», пользуясь свидетельством очевидцев, напишет, что пожар принес музею «превеликий урон», и добавит: «Почти все, что находилось в галерее и во втором ярусе, или сгорело, или испорчено, или перебито было... С каким прискорбием смотреть было должно на такое множество разбросанных и в грязь помешанных пребогатых вещей».

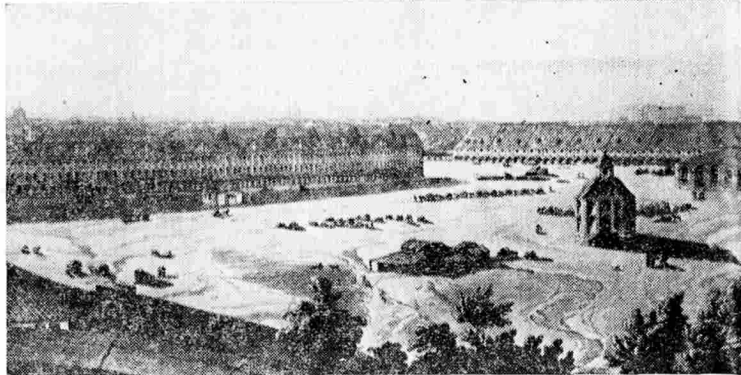
Толки о причинах пожара, о большом ущербе вынудили Сенат назначить правительственную комиссию, во главе которой поставили библиотекаря и адъюнкта Академии наук И. Тауберта.

Комиссия Тауберта затянула расследование на годы. За это время Шумахер и Академия предприняли ремонт Кунсткамеры, подготовили специальную поездку для сбора уничтоженных огнем сибирских и восточных (в том числе китайских) вещей и срочно искали мастера, способного восстановить глобус.

Для восстановления глобуса предложил было свои услуги английский морской инженер Скотт. Он долго рассматривал железные обручи — все, что осталось от «готторпского чуда», и, поняв, что ему предлагают сделать новый глобус, отказался. Тогда за дело взялся русский мастер Тирютин, и со временем новый глобус можно было показывать посетителям.

Ремонт Кунсткамеры затягивался, было принято решение вообще не восстанавливать купол башни с армиллярной сферой, а глобус установить в специальной палатке, сооруженной за музеем на пустыре, называвшемся Коллежским лугом.

Новый глобус был таких же размеров, как и Готторпский. Внутри него, также прикрепленные к оси, располагались стол и скамейка. Чтобы привести в движение глобус, надо было нажать на рукоятку, соединенную с зубчатой передачей. Обручи из желтой меди, опоясывавшие шар, изображали меридиан и экватор. Внутри было лазурное небо с позолоченными гвоздиками-звездами и живописными рисунками Большой и Малой Медведицы, Рака и Козерога, Весов и Дракона, символизирующими созвездия полночного небесного свода. Рисовальщики нанесли на внешней стороне очертания материков, показав все вновь открытые острова и страны.

Коллежский луг и Глобусная палатка.

В 1752 году глобус мастера Тирютина с любопытством рассматривали пришедшие в палатку. И хотя на глобусе все надписи были сделаны по-русски, а не по-немецки, как на голштинском, академическое начальство не забывало, показывая глобус посетителям, говорить:

— Вот знаменитый Готторпский глобус, чудом уцелевший при пожаре!

Лишь немногие знали, что перед ними не Готторпский глобус, а глобус, сделанный Тирютиным. Прошло двести лет, и в Ленинграде вышла книга историка науки В. Л. Ченакала о развитии астрономии в России и астрономических приборах, где впервые было названо имя русского мастера.

В 1766 году в восстановленную после пожара Кунсткамеру вновь собрали музейные экспонаты, сохраненные при пожаре и привезенные специальными академическими экспедициями, которые в 50-х годах XVIII века

были отправлены для восполнения утраченного в огне. Но глобус был теперь отделен от Кунсткамеры. Он так и размещался в палатке. В 1829 году глобусная палатка разрушилась, и шар Тирютина перевезли в помещение Академического «Музеума», что был расположен в Таможенном переулке. В 1901 году его доставили в Царское Село и поместили в специальной зале Адмиралтейства. Здесь «чудо Тирютина» хранилось после Великой Октябрьской социалистической революции. В годы Великой Отечественной войны глобус оказался на территории, захваченной гитлеровцами.

В 1944 году советские войска освободили город Пушкин, но глобуса или его остатков не было обнаружено.

Окончилась война. После долгих поисков глобус нашли в немецком городе Любеке. Его привезли в Архангельск, а оттуда на специальной железнодорожной платформе в Ленинград. Это путешествие проходило в сотни раз быстрее, чем то, которое в свое время проделал на санях подарок голштинского герцога.

В весеннее ленинградское утро 1948 года с помощью блоков на пятый этаж башни Кунсткамеры, прорубив специальный проем в стене, рабочие подняли Большой академический глобус, созданный русским мастером Тирютиным. Затем был не только заделан проем в стене, но и восстановлен купол башни с армиейной сферой, придавший Кунсткамере законченный первоначальный вид.

* * *

Два события, отделенные друг от друга меньше чем десятилетием, нанесли серьезный ущерб Кунсткамере, особенно ее этнографическим коллекциям, но уже к концу 70-х годов XVIII века она возродилась вновь и заняла приличествующее ей место первого академиче-

ского и просветительного учреждения России, в стенах которого были представлены физика и минералогия, анатомия и этнография, зоология и ботаника, механика и химия, астрономия и геология.

Сегодня, когда поворачивается огромный шар Тирютина, сидящие внутри видят движение небесной сферы, перед стоящими снаружи вращается Земля с почти забытыми старинными названиями и белыми пятнами не известных создателям глобуса материков и стран, рек и озер. Более двухсот лет назад люди многого не знали о своей планете. И, может быть, всматриваясь в очертания материков на глобусе, исследователи обретали решимость к поискам новых стран, познанию иных племен и народов.

■ ВЫШЕДШИЕ ИЗ КОЛЫБЕЛИ

Не только обилие предметов культуры и быта различных народов, геологических и минералогических образцов, ботанических и анатомических экспонатов отличали петербургскую Кунсткамеру от других подобных ей музеев мира. Довольно быстрое превращение ее из собрания личных царских коллекций в академический музей, имеющий целью способствовать развитию науки и просвещения России, привело к более или менее планомерному пополнению фондов. Перед академическими экспедициями ставились конкретные задачи по сбору материалов для Кунсткамеры, что давало возможность целесообразно подбирать коллекции. Но, будучи первым научным учреждением России, Кунсткамера отражала уровень науки того времени, характеризующийся для этнографии еще эмбриональным состоянием, когда накапливались факты, но обобщений не было. Россия, утверждая себя как мировая держава, жадно тянулась к знаниям, открывая для себя весь многообразный мир.

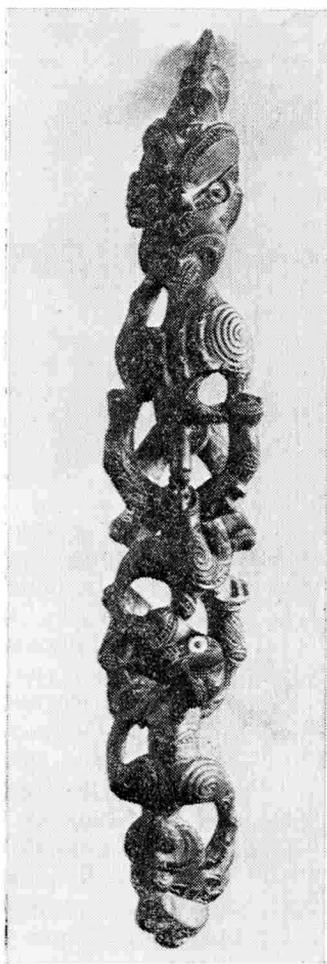
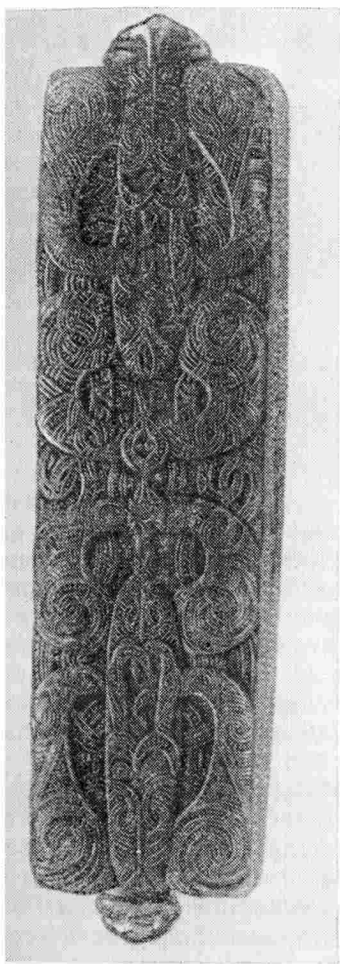
Пожар нанес ущерб коллекциям, но они были довольно быстро восполнены. Когда в 1766 году музейные коллекции и библиотеки были возвращены из дома Де-

мидовых в отстроенное здание Кунсткамеры и были рас
пакованы первые посылки с этнографическими собра
ниями из сибирских и восточных стран, преемник Шу
махера на всех академических постах И. Тауберт не
удосужился восстановить прежний порядок в экспози
циях. В музее невозможно было знакомиться с коллек
циями, работать с ними. Жалобы поступали на Таубер
та довольно часто, но все оставалось по-прежнему.

Известный ботаник профессор С. Г. Гмелин писал
в 1767 году в рапорте на имя президента Академии
«Весьма сожалею, что такой кабинет, который может
быть больше значить, чем все знатные вещи на свете
поныне от неразумного смотрения в такое худое состоя
ние пришел, что едва оный исправить возможно будет»

Рапорт сделал свое дело. Канцелярия Академии в ре
шении от 9 августа 1767 года записала: «Из кунстка
мерских вещей все, что до животного царства принад
лежит, включая анатомические, препоручить г-ну про
фессору Палласу, так чтобы расположение оных каким
образом в лучший порядок привести и сохранить прямо
и единственно от него зависело; те же люди, которые
при тех вещах находятся, должны непосредственно от
него зависеть, поелику принадлежат к тому делу, при
том должен он принять вещи по каталогу, находяще
мися в библиотеке, слича оный с тем, который у себя
будет хранить, и другой, который ему придется из ко
миссии... на том же основании анатомические вещи пре
поручить г-ну Вольфу, а травы г-ну Гмелину... порядоч
ное содержание разного звания моделей, математиче
ских и прочих инструментов, китайского, камчадаль
ского и прочих разных народов платья и других досто
памятных и курьезных вещей... подбиблиотекарю Осипу
Петрову».

За исключением Осипа Петрова, проработавшего
немного, каждый из вновь назначенных хранителей

Образцы резьбы по дереву народности маори (Новая Зеландия). Из коллекций Кунсткамеры. XVIII в.

Мордовская рубашка. Из
коллекций
Кунсткамеры
XVIII в.

коллекций оказался крупнейшим специалистом в своей области. Все трое стали действительными членами Академии наук. Большая экспедиционная деятельность П. С. Палласа и С. Г. Гмелина широко известна; их труды по изучению природы и культуры России вошли в золотой фонд русской науки. О замечательных работах К. Ф. Вольфа по механизму наследственности и постоянству видов Фридрих Энгельс сказал, что они гениально предвосхитили на целый век теорию Дарвина.

Такой редкий подбор ученых — хранителей академического музея отражал качественный скачок в истории Петербургской Академии, в недрах которой вслед за гигантом науки М. В. Ломоносовым выросла плеяда отечественных исследователей. Обширные просторы России требовали тщательного изучения ее физической географии, ее народов. С 1768 года Академия отправляет экспедиции для сбора материалов по составлению физико-

топографического описания России. Каждый из ученых — хранителей Кунсткамеры не преминул включить в программу работ этих экспедиций сбор нового коллекционного материала. В своих устремлениях и Паллас, и Вольф, и Гмелин нашли полную поддержку у С. К. Котельникова, ставшего в 1771 году «надсмотрителем» Кунсткамеры вместо И. Тауберта. Ученый, воспитанный Ломоносовым, страстный математик и популяризатор научных знаний, академик Семен Кириллович Котельников возглавлял Кунсткамеру с 1771 по 1797 год.

Котельников оказался именно тем человеком, который мог направить работу Кунсткамеры как на сбор и хранение, так и на популяризацию коллекций, которые прибывали от физико-топографических экспедиций вплоть до 1774 года. В здании была произведена перепланировка, освобожден зал для показа новых поступлений. У правительства были добыты дополнительные средства. Приближался конец XVIII века, и стараниями Котельникова и ученых — хранителей отделов Кунсткамера становится крупнейшим научным центром в мире. По распоряжению Котельникова для «великолепия Кунсткамеры» срочно были изготовлены в начале 1780 года «для разного курioзного платья азиатского несколько манекенов с натуральными к тому платью лицами и прочим прибором». Тринадцать манекенов, изображавших представителей разных народов, восхищали зрителей, которых год от года становилось все больше и больше.

Посещение Кунсткамеры всегда было бесплатным, а когда-то Петр I даже считал нужным для привлечения посетителей устраивать угощение. В последней четверти XVIII века и без угощений в музее было много любознательных. Теперь академическое начальство подумывало об ограничении их. В богатой фактическим материалом книге историографа Кунсткамеры советского этнографа Татьяны Владимировны Станюкович

рассказано о таком событии, описание которого сохранилось в архиве Академии наук. «2 июля 1775 года, — сообщает нам рапорт экзекутора Академии наук Герасимова, — в Кунсткамере, открытой в этот день для обозрения, по обыкновению находились «знатные особы» и «множество... разного звания народу». «Для избежания тесноты впуск в музей осуществлялся через библиотечное крыльцо, а выход — через кунсткамерское. На крыльце Кунсткамеры, на часах, был поставлен солдат Семен Корабельщиков со строгим наказом: ни в коем случае «не пускать никого в помянутую Кунсткамеру». Вопреки данному приказу, Корабельщиков начал пропускать «всякого звания людей, собирал с них деньги... по грошу, по копейке и по деньге» и, несмотря на неод-

нократные замечания со стороны эскутера, «продолжал свое лакомство». Когда, после снятия с поста, Корабельщиков был обыскан, то в его карманах было обнаружено «тех собранных денег... один рубль 90 копеек». За нарушение приказа и за то, что своим «бесчестным поведением нанес Академии нареkanie», Корабельщиков был отдан под суд, а «чтобы впредь такое безобразие не повторялось», Академия запросила «капрала доброго поведения» Авдея Ключкина, который и занялся «воспитанием сторожей».

Эта примечательная архивная справка дает основание сказать, что в тот злополучный для Семена Корабельщикова день Кунсткамеру посетило несколько сот человек, если часовой смог пропустить в музей (вопреки правилам) человек 200—300. Цифра воистину невиданная для музеев мира того времени, когда норма посетителей не превышала 100 человек. Существенно и то, что в дом на берегу Невы стремились попасть люди «разного звания».

Для упорядочения посещений музея Академия ввела специальные (но бесплатные) билеты, которые выдавались в ее конторе, а в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано сообщение о порядке работы Кунсткамеры. Она открывалась для посетителей два раза в неделю, по вторникам и четвергам, с 9 до 11 часов утра и с 2 до 6 после полудня. Единовременно по билетам в залы впускали 40 человек. Такое правило сохранялось вплоть до начала XIX века.

Слава о петербургской Кунсткамере далеко перешагнула границы России, и многие из россиян или иностранцев считали за честь способствовать пополнению ее коллекций.

...18 апреля 1779 года корабли экспедиции Джемса Кука под командой капитана Кларка, потеряв на открытых Сандвичевых островах своего начальника, взяли

курс к Камчатке. Попытка пробиться сквозь льды у южного конца Берингова пролива окончилась неудачей. В трюмах осталось немного соленой свинины и ничтожное количество пресной воды. Появившаяся на горизонте земля вызвала радость. Но ее берега были неприветливы.

На прибрежной полосе стояло восемь деревянных строений. В них размещалась пограничная стража — сорок казаков под командой сержанта. Это было юго-восточное побережье Камчатки, одна из дальних точек континентальной части Российской империи.

По приказу капитана Кларка бот с офицером и матросами отъехал к берегу. Русские казаки, несшие охрану, ожидали нападения и приготовились к защите. Офицер поспешил знаками предупредить о своих мирных намерениях.

В Большерецк к главному командиру Камчатки майору Бэму был послан нарочный с известием о прибытии двух хорошо вооруженных английских кораблей. Бэм решил вести переговоры.

Русская делегация прибыла на корабль. Англичане оказали ей самый сердечный прием и рассказали о своем бедственном положении. Не было продовольствия, корабли нуждались в ремонте, начальник экспедиции Джеймс Кук погиб, сам капитан Кларк был болен. Бэм приказал отправить из Большерецка 250 пудов ржаной муки и 20 голов рогатого скота. Семь месяцев корабли экспедиции Кука стояли в Авачинской губе, производя необходимый ремонт.

Настало время отплытия. Капитан Кларк пригласил Бэма на корабль. Когда командир Камчатки покидал его, прогремел двадцать один пушечный залп — салют наций. С корабля несли подарки английских мореплавателей — коллекцию гавайских (Кук назвал Гавайские острова Сандвичевыми) вещей.

Скульптура гавайского вождя Камеамеа I в ритуальном плаще из птичьих перьев. Из коллекций Кунсткамеры,

С Камчатки в Якутск, из Якутска по санному пути на Тобольск и далее через Москву в Петербург отправили гавайскую коллекцию Кука. В ней были опашала и шишаки из разноцветных перьев, оружие, мантии и накидки, нагрудники и другие принадлежности мужского костюма, в том числе короткий плащ из птичьих перьев самого правителя Гавайских островов Кameа-меа I.

Через всю Россию путешествовали эти коллекции, пока не прибыли на вечное хранение в Кунсткамеру Петербургской Академии наук. С гавайскими вещами Европа познакомилась впервые на берегах Невы, ибо корабли экспедиции Кука прибыли в Лондон на полгода позднее.

* * *

С подарка экспедиции Кука началась полоса многочисленных коллекционных поступлений в Кунсткамеру, которые сегодня составляют самую ценную часть ее собраний. Поступали коллекции от физико-топографических экспедиций. Эти экспедиции, по словам академика Ф. И. Рупрехта, «навсегда остались блестящими памятниками деятельности Академии».

Вместе с тем Академия, играя ведущую роль в научной жизни России конца XVIII и начала XIX века, уже не является единственным научным учреждением. Растет Московский университет, возникают новые высшие учебные заведения. Русский флот выходит на широкие океанские просторы, разворачивает большую исследовательскую работу по изучению географии, гидрографии и этнографии районов Северной Америки и прилегающих островов Тихого океана Российско-Американская компания.

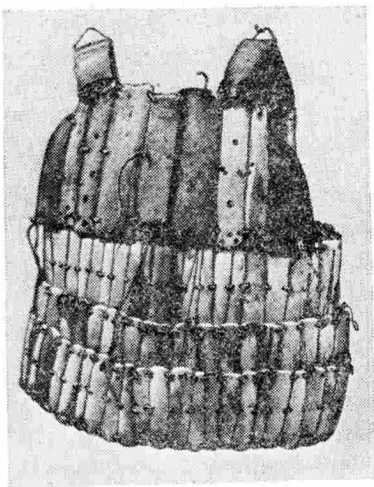
Посланная Екатериной II «секретная» морская экспедиция И. Биллингса и Г. Сарычева привозит не только географические данные, но и предметы быта народов

Северо-Восточной Азии и Северной Америки. В 1794 году эта коллекция из личного собрания Екатерины II поступает в Кунсткамеру. И теперь каждая экспедиция, отправляющаяся по стране или за ее пределы, по суше или по морю, считает своим долгом или имеет предписание привозить в Кунсткамеру «произведения других народов и трех царств природы».

В 1803 году уходят в первое кругосветное плавание на кораблях «Надежда» и «Нева» И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский и по возвращении, согласно инструкции, преподносят в дар Кунсткамере коллекцию с описью, озаглавленной «Каталог искусственным вещам и одежде разных европейских, азиатских и американских народов». Крузенштерном и Лисянским были впервые привезены деревянные алеутские шляпы и деревянные боевые шлемы тлинкитов (береговых, материковых соседей алеутов), образцы эскимосской одежды и другие экспонаты, причем в каталоге каждый предмет имел точную дату и место приобретения. Их каталог во многом отвечал существующим и поныне музейным правилам. На шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 годах совершает кругосветное путешествие капитан В. М. Головнин. И вновь Кунсткамера принимает щедрый дар, состоящий из предметов культуры и быта индейцев Америки: образцов орудий труда и охоты, одежды из перьев и кожи зверей, идолов, культовых изделий.

В 1819 году отправляется знаменитая Антарктическая экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. В 1828 году в Кунсткамеру поступают богатейшие собрания этой экспедиции, где были предметы с далеких островов Тихого и Индийского океанов и из Австралии.

Под командованием Ф. П. Литке в 1826—1829 годах военный шлюп «Сенявин» совершает очередное кругосветное путешествие, во время которого было собрано большое количество коллекций по естественной истории

и этнографии. Все эти коллекции поступили в распоряжение Академии наук.

Заходят в бухты и гавани обеих Америк суда Российско-Американской компании, и управители ее считают своим долгом посылать в Кунсткамеру всякие диковинные вещи. Сама Академия установила новый институт членов-корреспондентов, в состав которых избирались деятели разных стран с тем расчетом, чтобы они способствовали пополнению библиотеки и Кунсткамеры предметами и книгами из мест своего пребывания. Но редко среди таких корреспондентов были настоящие ученые, поэтому в переполненных хранилищах и залах Кунсткамеры появляются случайные и малоценные предметы.

Коллекциям было так тесно, что многие из них стояли годами нераспакованными. Ящики и тюки загромождали подступ к шкафам и витринам. Тесно было и в

библиотеке. Несколько комнат, выделенных музею в бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны, где располагались Академия и ее службы, не могли удовлетворить потребности в новых залах и хранилищах. В Петербург приходят посылки от дипломатических и торговых миссий из разных стран мира. Диковинные вещи, произведенные руками человека всех обитаемых континентов, флора и фауна со всех концов света, минералогические и геологические коллекции из многих районов земли отныне были представлены в академическом музее. Это разностороннее богатство переполнило его, и он превратился в своеобразный склад, утратив свои просветительские функции.

Этому способствовало и то существенное обстоятельство, что неудержимое развитие русской науки происходило в крепостнической стране. Достижения ученых, находки путешественников или неутомимых искателей истинных знаний не становились всенародным достоянием. Просветительская роль Кунсткамеры все чаще предавалась забвению, и уже в 1802 году в «Санкт-Петербургских ведомостях» в академическом объявлении о порядке работы Кунсткамеры можно было прочесть, что в дни, открытые для посещения, «ливрейные слуги и чернь совсем не будут впускаемы».

Смерть Котельникова в 1797 году, уход Дашковой с поста президента-директора Академии усугубили трудности, переживаемые Кунсткамерой. Три года она фактически была без надсмотрителя, пока академическому начальству не пришла мысль пригласить на этот пост академика Николая Яковлевича Озерецковского. В трудные годы пришел к руководству Кунсткамерой Озерецковский. Много из того, что он хотел, чего добивался более чем четверть века своего правления, ему сделать не удалось, но он все же сделал так много, что достигнутое должно остаться в памяти благодарных потомков.

Николай Яковлевич Озерецковский с рождения связан с Петербургом, но в семнадцать лет ему посчастливилось попасть в академическую экспедицию Лепехина, и с тех пор, дожив до пятидесяти лет, закончив службу адъюнкта Академии и будучи избранным ее действительным членом, он постоянно ощущал себя в пути. Здесь, среди гранитных парапетов и величавых дворцов, ему было тесно, там — в суровых гранитных скалах Карелии или на просторах величественных приволжских степей, под открытым небом, где природа открывается человеку сразу, ему было привольней. Недаром директор Академии княгиня Дашкова писала о нем в 1792 году: «Он для исследования натуральных вещей целые восемь лет путешествовал по России как сухим путем, так и морями, собирая все естественные произведения для Академии. И в последнем своем путешествии по озерам Ладожскому и Онежскому, которым описание издал он в свет, открыл гору, гранитами изобилующую, близ Ладожского озера, железную руду на острове Ва-лааме и множество мрамора на реке Тельме, впадающей в Онежское озеро. Сверх того собрал знатное количество различных минералов и других натуральных тел, которыми приумножил собрание редкостей в Имперской Кунсткамере». Так писала в Сенат княгиня Дашкова, объясняя избрание Озерецковского академиком и испрашивая ему приличествующую награду.

Николай Яковлевич никогда не забывал и добрые слова и благорасположение этой умной энергичной женщины, основавшей специальную Российскую Академию для разработки русского языка и ставшей президентом двух академий страны.

Год, как Николай Яковлевич стал надсмотрителем Кунсткамеры. Дел прибавилось уйма, забот еще больше. Некуда было девать ценнейшие коллекции, негде было разместить для обзора поступившие экспонаты.

Ничтожный штат Кунсткамеры, состоявший из библиотекаря, подбиблиотекаря, надзирателя музея, его помощника, писца, чучельщика и десяти сторожей, из которых семь должны находиться на соответствующих местах, наблюдать за чистотой и сохранностью коллекций, не мог обслужить многих желающих познакомиться с музеем. Год, как Николай Яковлевич стоит во главе Кунсткамеры, но даже его энергии недостаточно, чтобы добиться перемен к лучшему.

В 1801 году Александр I по случаю своего восшествия на престол устроил аудиенцию для академиков.

Эту аудиенцию Николай Яковлевич вспоминал каждый раз, когда водил по музею группы из военных, сту-

дентов только что открывшегося Петербургского университета, мелких чиновников. Каждый раз он был вынужден отодвигать ящики или тюки, наваленные у шкафов и витрин, пытаясь в подтверждение своего рассказа достать музейный экспонат — чучело или минерал.

Казалось, император был и милостив и благосклонен. Он не преминул пошутить на тот случай, что оба они — монарх и Озерецковский — почти в один год взяли бразды правления: один — над Россией, другой — почти над миром (имелась в виду обширность сокровищ Кунсткамеры). Аудиенция предвещала хороший исход, и, когда Александр I, приняв записку, поданную академиками, попросил рассказать о ее содержании и сути просьбы, Николай Яковлевич начал говорить горячо и пылко. Он говорил малоприветные слова, но не боялся за себя, свой пост, свое положение. Он говорил, что наука в России и ее главное научное учреждение — Академия зашли в совершенный тупик; что крупные ученые умерли, иные состарились, а молодых из даровитых соотечественников никто толком не учит, рассчитывая, видимо, как и прежде, на за границу, но это негоже делать Российской империи. Не тем ли, в запальчивости говорил надсмотритель Кунсткамеры, объясняется, что академический музей пополняется дарами лиц, не имеющих отношения к Академии, а химическая лаборатория и анатомический театр прекратили работу, физический же кабинет и музей задыхаются от тесноты.

Окончив свою речь, Озерецковский низко поклонился и сделал шаг назад. Он, Севергин и другие академики, пришедшие как авторы записки, ждали решения императора. Александр I внимательно окинул взглядом надсмотрителя Кунсткамеры и, прикоснувшись к свитку, произнес:

— Здесь все изложено? Мы подумаем о нашей Академии.

Аудиенция окончилась. Записка осталась без внимания.

Озерецковский реально мог рассчитывать только на свои силы, на помощь друзей и коллег. И ему удалось сделать невозможное. Занимаясь делами Кунсткамеры, Николай Яковлевич продолжал совершать ближние и дальние поездки за новыми экспонатами. Ему было пятьдесят лет, когда он вступил на пост надсмотрителя, но его хватало на все: на собственные экспедиции, на занятия с любителями в стенах Кунсткамеры, на привлечение к ее работе новых академиков, на переустройство и перепланировку музейных залов.

По настоянию надсмотрителя унтер-библиотекарь Осип Беляев опубликовал в 1800 году новый расширенный путеводитель-каталог по Кунсткамере. Единственно, чего не смог добиться Николай Яковлевич, это отмены распоряжения Академии о запрете посещать музей «ливрейным слугам и черни». Только однажды, 4 июля 1803 года, вопреки прежним уведомлениям Академии, Озерецковский сообщил через «Санкт-Петербургские ведомости», что с 4 июля целую неделю Кунсткамера будет открыта и впуск в нее будет «беспрепятственно без билетов».

Много успел сделать за четверть века Озерецковский, так и не дождавшийся монаршего внимания, но получавший постоянную поддержку просвещенной России. Это по его настоянию великие мореплаватели в своих кругосветных странствиях помнили о нуждах академического музея, это по его просьбе дипломатические и торговые миссии присылали дары от других народов и стран. Благодаря его настойчивости Академия издала некоторые свои труды на русском языке, что способствовало широкому знакомству русской общественности с делами Академии и ее учреждений. В больших и трудных делах Кунсткамеры неизменным помощ-

ником, другом, советчиком был превосходный знаток камня и минералов академик Василий Севергин. Облегчая свою задачу, понимая, что трудно справиться с большим и разнообразным собранием музея одному, Озерецковский в 1804 году передает Севергину ключи от Минералогического кабинета.

Василий Севергин навел такой порядок в кабинете, так умело показывал достоинства его коллекций, как мог это сделать только ученый, специалист, влюбленный в свою науку. «Такими специалистами должна быть наполнена Кунсткамера, а ее коллекции распределены между ними сообразно их знаниям и интересам» — эта мысль постоянно приходила на ум надсмотрителю в те дни, когда, опасаясь вторжения войск Наполеона в столицу, ценнейшие коллекции Кунсткамеры подготовили к эвакуации в Петрозаводск. В тревожные дни Отечественной войны 1812 года Озерецковский понял, что прежняя Кунсткамера как комплексное собрание научных материалов изжила себя. Естественный процесс дифференциации наук требовал обособления внутри единого музея самостоятельных отделов и кабинетов. Однако эта неизбежная перестройка несколько задержалась из-за Отечественной войны.

11 ноября 1818 года академику Х. Д. Френу поручили возглавить выделенное из Кунсткамеры собрание восточных моделей, рукописей и книг, под названием Восточного кабинета, который сразу же получил второе, ставшее более распространенным наименование — Азиатский музей. В 1824 году под надзор ботаника К. А. Триниуса передаются из Натур-камеры все ботанические коллекции и книги по ботанике, которые образуют Ботанический отдел. 10 ноября 1825 года учреждается Египетский кабинет, или Египетский музей, под который специально расписываются египетским орнаментом комнаты в первом этаже восточного крыла Кунст-

камеры. Смотрителем Египетского музея стал академик Ф. Б. Грефе. Разделение Кунсткамеры началось при жизни Озерецковского, на его глазах и по его настоянию.

«Создаю или разрушаю?» — вопрос, который мучит семидесятипятилетнего Озерецковского спустя четверть века его работы надсмотрителем Кунсткамеры. Этот вопрос не выходил из его головы и в хмурое декабрьское утро 1825 года, когда в зрительную трубу через окно четвертого этажа башни Кунсткамеры он рассматривал Сенатскую площадь, пытаясь понять, что происходит на ней. В тот вечер, когда Николай Яковлевич узнал подробности выступления декабристов, он долго сидел в своем кабинете при догоревших свечах, и мысль о будущем России, потерявшей лучших людей на плахе, вновь напомнила ему встречу с Александром I, четверть века упорной борьбы за Кунсткамеру как центр науки и просвещения. Он пытался понять самого себя и определить свое место. Ему семьдесят пять лет, он стар. Но где его дух: там, на Сенатской площади, которую он рассматривал в зрительную трубу, или там, среди придворной свиты, ждущей монаршей милости? Он ведь тоже ждал. Ждал четверть века, и не ради себя, а ради России. Те, что вышли на площадь, тоже вышли ради России. «А может быть, и он и они разрушали ради созидания?»

Конец 1826 года принес Николаю Яковлевичу новый удар: умер его друг и соратник Василий Севергин. Возвращаясь с похорон друга, Озерецковский простудился и заболел. Болезнь была долгой и тяжелой. Николай Яковлевич терял сознание, бредил. Лишь иногда сознание возвращалось. Тогда он вспоминал свое прошлое, путешествия, службу, работу в Кунсткамере. Вспомнилось письмо княгини Дашковой, полученное 28 мая 1800 года, в котором она поздравляла его с на-

значением надсмотршителем Кунсткамеры и выражала надежду, что он будет мудрым правителем ее. «Мудрым, — подумал Николай Яковлевич, — но никто не знал, что я окажусь ее последним правителем, что я сам разделю ее по нужде, по необходимости для дела на разные кабинеты, ставшие уже самостоятельными вотчинами и даже размещенными в музейном флигеле, что строят за главным зданием Академии...»

28 февраля 1827 года Озерецковского не стало.

* * *

Николай Яковлевич Озерецковский был прав — он оказался последним главой прежней Кунсткамеры. Выделение трех самостоятельных учреждений внутри прежнего музея сделало очевидным необходимость такого же обособления под началом авторитетных руководителей других отделов. Структурные изменения требовали новых штатов, помещений, ассигнований. В январе 1830 года Академия обратилась к правительству с ходатайством о подобном увеличении, но Николай I счел за благо срезать штат Кунсткамеры и отменить назначение академиков смотрителями отделов. На содержание музея было отпущено всего 3200 рублей, что превращало центр и гордость русской науки в склад диковинных предметов, недоступных для обозрения и изучения.

Два года Академия не мирилась с этим решением и в конце концов размножила для высочайшего сведения и правительства в 50 экземплярах записку, где доказывалась необходимость существования каждого из подразделений Кунсткамеры, а именно: Зоологического музея, Азиатского, Сравнительной анатомии, Нумизматики, Минералогического, Ботанического, Этнографического, Кабинета Петра I и Египетского. На их содержа-

ние, пополнение и экспонирование требовалось 74 100 рублей. С этой запиской случилось то же, что и с запиской, поданной Александру I, однако двухлетняя дискуссия в академических кругах стала достоянием широкой общественности, и это вынудило правительство принять какие-то меры для улучшения положения Академии и ее музея.

Пять лет — с 1831 по 1836 год — решалась судьба Кунсткамеры и будущее родившихся в недрах ее научных центров. Усилия академиков дали реальные результаты. То П-образное здание, которое сегодня со стороны Таможенного и Биржевого переулков и со стороны Менделеевской линии обрамляет белоколонный дворец Академии наук, начало строиться в 1826 году и было закончено в 1831 году. В нем предполагалось разместить академическую типографию, но первым туда въехал Зоологический отдел — Зоологический музей Кунсткамеры, который с того же 1831 года возглавил академик Ф. Ф. Брандт. В 1835 году в этот же корпус, получивший название музейного флигеля, переехал Ботанический отдел, а также отдел Сравнительной анатомии, вошедший в состав Зоологического музея на правах подотдела. В старом здании оставались отделы (музеи) Азиатский, Египетский, Этнографический и Кабинет Петра I.

Окончательное разделение Кунсткамеры, или, точнее, выделение из нее семи академических учреждений произошло в 1836 году, когда в «Уставе и штатах императорской Санкт-Петербургской Академии наук» были записаны в качестве самостоятельных музеев: Минералогический, Ботанический, Зоологический и Зоотомический, Азиатский, Нумизматический, Египетский и Этнографический. В штатах музеев предусматривались как научные, так и научно-технические сотрудники. Разместившись в двух соседних зданиях, все семь новых му-

зеев в том же 1836 году открыли свои экспозиции для посетителей.

Вышедшие из недр Кунсткамеры семь новых академических музеев либо послужили основой современных академических институтов, либо вошли важной составной частью в поныне существующие музеи. Минералогический музей стал основой современного Минералогического музея АН СССР (г. Москва). Ботанический музей — важная часть музейных собраний Ботанического института АН СССР. На базе Зоологического музея возник Зоологический институт АН СССР и его музей. После передачи вещевых коллекций Азиатского музея Этнографическому на базе оставшихся рукописных и книжных собраний возник Институт востоковедения АН СССР. Коллекции Нумизматического музея вошли в состав соответствующих коллекций Государственного Эрмитажа и Этнографического музея. Также между Эрмитажем и Этнографическим музеем были поделены коллекции Египетского музея. Кабинет Петра I — основа современной Петровской галереи Государственного Эрмитажа. На базе Этнографического музея возник Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР и Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Музей антропологии и этнографии явился наследником не только первых вещевых этнографических коллекций, но и самого здания Кунсткамеры.

УСПЕХИ «ПРЕВЗОШЛИ ВСЕ ОЖИДАНИЯ АКАДЕМИИ»

Отставной унтер-офицер Гаврила Вознесенский по инвалидности был определен на иждивение Академии. Он жил в небольшой полутемной каморке в главном здании Академии. Здесь в 1816 году 19 июля родился его сын, названный Ильей. Семья жила впроголодь. Не хватало денег ни на хлеб, ни на одежду.

Кое-какие гроши появлялись в семье, когда мать приглашали помогать по хозяйству в дом президента Академии графа С. Уварова. Так продолжалось два года. Надорвав здоровье, жена Гаврилы осенью 1821 года скончалась. Не зная, как жить дальше, отставной унтер-офицер пошел с сыном к надсмотрителю Озерецковскому, рассчитывая на его совет и помощь.

Щуплый, бледный, лобастый пятилетний ребенок чем-то приглянулся надсмотрителю, и тот определил его... «наборным учеником» в академическую типографию.

Шесть лет Илья был в наборных учениках. Он проявил редкие способности в быстром овладении грамотой не только русской, но и немецкой (многие издания Академии печатались на немецком языке). Свободное

время, которого было очень мало. Илья проводил в Зоологическом отделе Кунсткамеры, помогая служителю разбирать коллекции, чистить чучела. Зоологический отдел был для него сказочным царством, населенным невиданными заморскими птицами и зверями. Но сказка не мешала делу. Мальчик безошибочно различал виды и классы животного мира.

Может быть, Озерецковский успел до своей кончины сказать графу Уварову об исключительных способностях «наборного ученика». Во всяком случае, с разрешения президента Академии в 1827 году Илья Вознесенский был переведен учеником в Зоологический музей к Э. Менетрие, занимавшему должность консерватора, т. е. человека, ответственного за сохранение экспонатов животного мира Кунсткамеры.

Илья не получал ни копейки жалованья, но был на довольствии и радовался возможности постоянно быть среди безмолвных зверей и птиц. Усердие мальчугана нравилось Эдуарду Петровичу Менетрие, и в конце 1829 года он взял его с собой в Закавказскую экспедицию.

Почти год провел мальчик в экспедиции. Он взбирался на скалы, ловко влезал в расщелины, собирая травы и различных насекомых. Жуки, кузнечики, гусеницы были его богатой добычей. Он разыскивал новые и новые виды их, сам засушивал или консервировал свои находки. Коллекция, собранная в Закавказье, была интересна, и видный естествоиспытатель академик А. А. Штраух, ознакомившись с ней, особо отметил умелую предварительную классификацию насекомых, сделанную четырнадцатилетним Ильей.

Пребывание на Кавказе пошло на пользу. Мальчик окреп и вырос. Отец радовался бы переменам, если бы дожил до возвращения сына. В мрачной, холодной камерке осиротевшего мальчика не было даже масла для

светильника. В отчаянии Илья не знал, что делать. Но о нем позаботились ученые. В комитет правления Академии наук было подано представление за подписью академика А. Купфера: «В уважении того, что означенный Илья, Гаврилов сын, Вознесенский служил с усердием и исправностью в течение всего времени и что он старался, сколько от него лично зависит, содействовать успеху нашего предприятия, то я, согласившись предварительно с г. Менетрие, прошу комитет правления императорской Академии наук наградить означенного Илью Вознесенского назначением ему жалования, соответственного занимаемой им должности».

Так в конце 1831 года Илья получил первое жалование, а в 1834 году он был назначен помощником препаратора. В его обязанность входило потрошить зверьков и птиц для изготовления чучел, сортировать листья и травы, предназначенные для гербариев.

Семь академических музеев выделились из Кунсткамеры. В соответствии с уставом во главе каждого из них стоял академик, который выполнял свои обязанности безвозмездно и должен был отвечать за научную ценность коллекций. Академик-хранитель не имел права проводить самостоятельно перемены в музее, но, заботясь о пополнении коллекционного собрания, должен был подавать обоснованные доклады конференции Академии.

В 1836 году во главе Ботанического музея стоял академик К. А. Триниус, во главе Зоологического — академик Ф. Ф. Брандт. Хранитель Зоологического музея Егор Шрадер был в том же 1836 году назначен и хранителем Этнографического музея. Первым директором Этнографического музея только в 1844 году стал академик А. М. Шегрен. До этого года восемь лет заботу о нем проявлял по просьбе Егора Шрадера академик Брандт.

Разбор коллекций Кунсткамеры, вызванный необходимостью распределить их между новыми музеями, позволил обнаружить, что обильные поступления от различных неакадемических организаций и частных лиц были в значительной степени беспорядочными. По отдельным районам мира имелось много как вещевых, так и зооботанических собраний, причем попадалось несколько экземпляров одних и тех же экспонатов, по другим — коллекции были неполными.

Последнее особенно было характерно для коллекций по Америке, поступивших в Кунсткамеру от русских кругосветных экспедиций и Российско-Американской компании. Так, практически отсутствовали предметы культуры и быта индейцев Калифорнии, северо-запада Америки. Из этих районов не было ни одного полного гербария или фаунистического собрания. Ощущалась необходимость собственной академической экспедиции. В этом был убежден Ф. Ф. Брандт и старался убедить также Карла Антоновича Триниуса. Осторожный Триниус не решился сразу поддержать эту заманчивую идею, ссылаясь на то, что у Академии нет средств, а подобные предприятия дороги и сложны. Но Брандт намекнул на возможность денежной помощи Академии со стороны Российско-Американской компании. Этот довод поколебал возникшие было новые возражения, и Триниус обещал поддержать Брандта перед конференцией Академии.

Российско-Американская купеческая торговая компания, созданная в 1799 году на базе частных предприятий Голикова-Шелехова и Мыльниковых для колонизации Аляски и развития торговли и промыслов на Дальнем Востоке, просуществовала до 1868 года — года продажи Аляски США, сыграла заметную роль в развитии географии, этнографии и биологических наук. Декабрист Д. И. Завалишин, проводивший многие годы в Восточной

Сибири и Америке, писал в 1865 году: «В ученом отношении деятельность компании не менее значительна. Она посылает ученые экспедиции, делает описи и на американском, и на азиатском берегах; ее суда совершают открытия на океане; она издает карты, учреждает магнитную обсерваторию, производит геологические исследования, содействует исследованиям и составлению коллекций по естественной истории и пр.».

В руководстве Российско-Американской компании были выдающиеся общественно-политические деятели, мореплаватели и ученые. Правителем канцелярии компании в Петербурге был до дня выступления на Сенатской площади декабрист К. Рылеев. Директорами и главными правителями компании были авторы научных трудов Н. Резанов и К. Хлебников, мореплаватели И. Куприянов и Ф. Врангель.

Ф. Ф. Брандт, убеждая Триниуса, не зря упомянул имена выдающегося русского исследователя Арктики, адмирала, главного правителя русских владений в Америке в 1829—1835 годах Ф. П. Врангеля и мореплавателя, вице-адмирала И. А. Куприянова, бывшего в 1834—1840 годах одним из главных правителей компании. От их поддержки (а на нее Федор Федорович мог рассчитывать) зависело многое для успешного осуществления задуманного.

Предложение, с которым выступил 31 мая 1839 года на заседании конференции Академии Федор Федорович Брандт от имени академиков Триниуса, Бонгарда и своего, вызвало разноречивые суждения. Три академика предлагали командировать в русские владения Северо-Западной Америки сотрудника Зоологического или Ботанического музеев для специального сбора зоологических и ботанических коллекций. Однако многие из академиков выступили против этого предложения. Возра-

жения были все те же: предприятие это дорого и сложно: у Академии денег нет, а Двор их не даст.

Следующее заседание конференции было назначено на 2 августа. Два месяца Брандт и Триннус готовились к последней «битве» с нерешительными и сомневающимися коллегами по Академии. В эти два месяца, пока Брандт и Бонгард составляли инструкции для собирания зоологических и ботанических коллекций, Триннус многократно появлялся в Петербургской канцелярии Российско-Американской компании.

В начале июля Карл Антонович вместе с Федором Федоровичем были приняты адмиралом Ф. П. Врангелем.

...В середине июля 1839 года Илья Гаврилович Вознесенский собирался переехать из каморки в небольшую квартиру, подысканную на 4-й линии, вблизи дома казенных академических квартир. Он собирался там встретить свой день рождения, свои двадцать три года.

Нажитого у Ильи было мало: книги да несколько чучел орлов, так что переезд представлялся несложным. Однако его пришлось отложить на целое десятилетие. 17 июля Брандт прислал за Вознесенским.

Собравшиеся в кабинете Брандта академики рассказали ему о задуманной экспедиции и о том, что именно ему, Вознесенскому, предстоит ее совершить.

Илья Гаврилович долго не мог уснуть в ту ночь. То, что выбор пал на него, то, что ему академики доверяют собрать согласно подготовленным инструкциям-программам зоологические и ботанические коллекции, было воистину подарком судьбы. Илья не сомневался, что справится с заданием. Только бы согласилась с его кандидатурой конференция Академии! Ни о каком переезде на новую квартиру помощник препаратора уже и не думал. Он ждал 2 августа.

На заседании 2 августа конференция вновь обсуждала записку о командировании академического служащего в русские владения Северо-Западной Америки, известные в то время под названием «Русская Америка».

Присутствовавший на заседании представитель Российско-Американской компании адмирал Ф. П. Врангель заверил конференцию, что компания предоставит командируемому Академией право безвозмездного пользования судами компании как для переезда, так и для пересылки материалов и будет оказывать ему всяческую помощь.

Заявление Врангеля покончило с сомнениями. Вопрос о поездке был решен. Кто-то предложил воспользоваться этой поездкой для обогащения Этнографического музея. Хранителю его — Е. И. Шрадеру — поручено было составить подробную инструкцию для сбора этнографических коллекций.

Снабженный тремя инструкциями, добрыми напутствиями, Илья Гаврилович Вознесенский 20 августа 1839 года с тревогой, надеждой и уверенностью в себе взошел на палубу корабля «Николай», принадлежащего Российско-Американской компании, чтобы отправиться к далеким берегам Америки. В Санкт-Петербурге Вознесенский оставлял любимые музейные залы, привычное дело, заботливого Федора Федоровича Брандта, которому он обещал писать регулярно. Но на берегах Невы не оставалось ни друзей, ни близких. Не мог ведь он, самоучка, выходец из низов, считать своими друзьями господ академиков, хотя они были добрыми и внимательными к нему. Корабль давно уже скользил по глади залива, и строгий столичный город пропал в серой дымке дождя.

На корабле у Ильи Гавриловича была прекрасная каюта, у него было место в офицерской кают-компании. Вознесенский по своему положению академического

командированного был причислен к видным служащим компании. Вспомнился пункт из инструкции Брандта: «Илья Вознесенский находится непосредственно под начальством губернатора колоний Этолина, от которого по соглашению с компанией будет получать как жалование, так и деньги на покупку потребных ему для работы материалов и естественных произведений».

Путешествие начиналось отлично. Компания проявляла заботу почти отеческую, все остальное зависело от исследователя. От него самого зависел успех дела, необычного по масштабам.

Вдумайтесь! Одному человеку двадцати трех лет от роду Академия наук официально поручала собрать коллекции по крайней мере по трем отраслям знаний — зоологии, ботанике и этнографии и по возможности присовокупить к этому сбор горных пород, в том числе минералов!

Кунсткамера разделилась на самостоятельные музеи, а задание Вознесенскому было, по существу, заданием кунсткамерным. Один человек представлял собою сложную экспедицию, и только молодостью лет можно объяснить его решимость выполнить такую задачу.

Целый год от Вознесенского не было письма. Бонгард скончался, так и не узнав о ходе экспедиции. Нередко в конференции Брандту задавали вопросы о его подопечном, но он ничего не мог ответить. Верил ли Федор Федорович в успех? Когда такой вопрос задавал ему Карл Антонович, старевший с каждым месяцем и боявшийся старости, Брандт отвечал бодро — да, верит! Но самому себе он не мог лгать и с нетерпением ждал писем, чтобы развеять сомнения.

Первое письмо, которое пришло почти через год, было от 26 мая 1840 года. Вознесенский написал его в городе Ново-Архангельске на острове Ситха (теперь остров Баранова) в доме главного правителя Русской

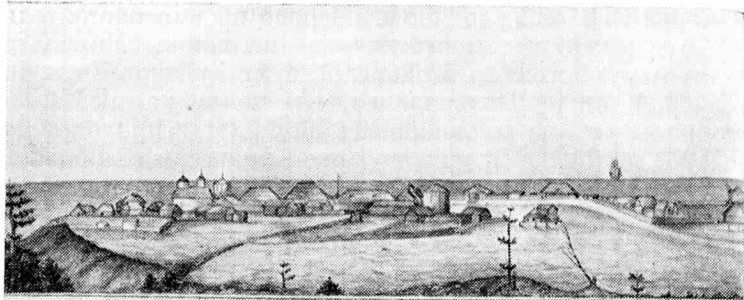
Америку И. А. Куприянова. Первое письмо обстоятельно описывало все многомесячное плавание «Николая», длительную стоянку в одной из бухт Бразилии и в чилийской гавани Вальпараисо, во время которой были собраны первые коллекции из трех царств природы, наконец, прибытие 1 мая в Ново-Архангельск. Большая часть письма посвящена И. А. Куприянову, который радушно принял посланца Академии, поселил в своем доме, определил к нему в помощники молодых креолов, чтобы они учились сбору коллекций и препарированию животных. Начиналась североамериканская одиссея Ильи Гавриловича Вознесенского, о масштабах и грандиозных итогах которой еще никто не подозревал.

В доме Куприянова Вознесенский пробыл больше двух месяцев. За это время он не успел совершить длительных поездок на материк, но получил редкую возможность внимательно ознакомиться с большой коллекцией зоологических и этнографических предметов, собранных Куприяновым за пять лет в различных частях Америки. «Эту коллекцию, — писал Вознесенский в общем отчете, — я пересмотрел в Ново-Архангельске, привел в порядок, составил каталоги и уложил. Наглядное занятие это было для меня весьма полезно, ибо я на будущее время знакомился с предметами».

Первое письмо успокоило Федора Федоровича, но еще не вселило полной уверенности в успехе экспедиции. Письмо, посланное Ильей Гавриловичем 15 ноября 1840 года из Сан-Франциско, пришло в Петербург только в начале 1841 года. По его получении академик Брандт радостно воскликнул:

— Свершилось!..

...Первые дни сентября 1841 года, когда над океаном серые облака все чаще сбивались в огромные темные тучи и волны с глухим рокотом накатывались на отлогую песчаную кромку крутого берега, Илья Гаврилович

Селение Росс. Рис. И. Г. Вознесенского.

подолгу задерживался на небольшой возвышенности, пытаясь навсегда запечатлеть облик истинно российского селения Росс, созданного три десятилетия назад русскими поселенцами на калифорнийском берегу. У самого края берега, заросшего кустарником и редкими высокими кедрами, приютилась деревянная церковь, снаружи обмазанная глиной и побеленная, рядом с ней колокольня, чуть дальше — деревянная башня-маяк и вдали одноэтажные, рубленные из сосновых и кедровых стволов избы поселенцев, амбары и склады компании. В виду селения пятый день стоит на рейде бриг «Елена», которым командует Л. А. Загоскин. Ему выпала тяжелая участь перевезти все население Росса в Ново-Архангельск. Россия не смогла сохранить свою колонию на калифорнийском побережье и вынуждена покинуть этот берег, освоенный русскими поселенцами.

Из Ново-Архангельска в Калифорнию Вознесенский выехал на том же бриге «Елена» 7 июля 1840 года. Через тринадцать дней бриг прибыл в залив Бодего, а 1 августа посланец Академии переехал в колонию Росс, в гостеприимный дом губернатора А. Г. Ротчева.

Вознесенский начал обильный сбор материалов по всем видам программ и поручений. Прошло совсем немного времени, и на корабле «Николай», который шел из Ситхи в Россию, было отправлено в адрес музеев Академии 13 ящиков и 2 бочонка с собранными материалами. С 23 октября 1840 года по 20 февраля 1841 года коллекции ежедневно обогащались новыми приобретениями. За четыре месяца Илья Гаврилович посетил многие поселения, лежащие на берегах Калифорнийского залива, и побывал в горах среди исполинских сосен и величественных кедров, под сенью которых обитают индейцы Нового Света. В первые месяцы встречи с ними были редкими, но и тогда удалось приобрести интересные предметы быта и украшения.

Обо всем этом Вознесенский успел написать в письме от 15 ноября 1840 года Брандту и от 16 февраля 1841 года Шрадеру. Две посылки — сухопутная из Охотска с экспонатами, собранными еще по дороге в Ситху в Бразилии и Чили, а также с коллекционными подарками от Куприянова и морская — калифорнийские сборы — были уже отправлены в Петербург.

...Спускаясь к ранчо Хлебникова по еле приметной в ночном сумраке тропинке, Вознесенский вспоминал дни, проведенные в селении Росс. Он помнил, как писал Шрадеру: «После отправления всех собранных мною предметов по части этнографии, которые следуют на кругосветном корабле «Николай» из Росса, — с того дня и до сего времени я не имел благоприятного случая делать мену с индейцами. Ныне же, предпринимая путь на несколько миль внутрь Калифорнии, я надеюсь там, по уверению туземцев, найти некоторые жилища племен индейцев, кочующих по реке Рио-дель-Сакраменто. При мирных обстоятельствах я буду стараться приобретать всевозможные вещи от жителей сей страны». При мирных обстоятельствах... Когда Илья Гаврилович писал

эту фразу, он даже не предполагал, что ждет его в долине Сакраменто.

20 февраля Вознесенский в сопровождении своего помощника креола Филарета Дружинина, которого приставил к нему еще Куприянов, и двух местных жителей-россиян отплыл на лодке из Сан-Франциско по реке Сакраменто. Поездка в долину Сакраменто длилась 31 день. Исследователь доходил до гряды трехвершинных гор, ночевал на золотоносных берегах притоков Сакраменто, встречался с лесными индейцами и чуть было навсегда не остался в тех девственных дебрях...

Тропинка в темноте совсем исчезла, и только вырвавшийся из-за туч лунный свет разом озарил округу — океанский простор, очертания строений Росс, долину Хлебникова и лежащий рядом с тропинкой погост, кресты над могилами православных россиян и крещеных креолов, индейцев, идолов над оставшимися язычниками. Вознесенский вздрогнул, когда прямо над собой увидел большой крест, раскинувший в темноте перекладыны-руки. К этой могиле он хотел прийти завтра — 5 сентября, покидая землю колонии Росс. Вместе с Филаретом они соорудили подобие креста из плавника и водрузили над могилой Аши — неожиданного помощника и спасителя во время трагической встречи в долине Сакраменто.

В последнюю поездку к лесной поляне, где были замечены костры индейцев, Вознесенский отправился вдвоем с Филаретом. Они пристали к берегу поздно вечером. На поляне никого не было видно. Выбрав удобное место, они соорудили навес и устроились на ночлег. Заснули быстро. Проснулись от гортанного крика людей, шума на поляне и ярких факелов. Руки и ноги были связаны. В отблеске факелов мелькали мрачные лица лесных индейцев, потрясавших над ними каменными копьями и топорами. Невозможно было понять,

Скульптура калифорнийского индейца в ритуальном наряде (кукушуй) из перьев кондора.

что случилось, но можно было быть уверенным в трагическом для себя исходе. Илья Гаврилович попытался приподняться и громко выкрикнул те несколько индейских слов, которые он знал. Стоял такой шум, что никто его не слышал. Страха не было, было ощущение какой-то нелепости. Обычно индейцы не нападают на спящего, если спящий не враг. Ни у Ильи Гавриловича, ни у Филарета не было еще встреч с этим лесным племенем. В чем дело? Филарет попытался крикнуть по-алеутски, по-тлинкитски, на языке индейцев внутренних районов.

Шум немного стих, и из рядов воинов, совершавших торжественный обряд перед жертвой, отделился один и, высоко подняв факел, пристально посмотрел на пленных. Резким взмахом топора он рассек веревку на ногах Вознесенского и поднял его. Руки так и остались связанными. Воин что-то быстро-быстро говорил и беспрестанно показывал факелом вверх, на дерево, под которым путешественники устроились на ночлег. Каждый раз, когда воин вскидывал факел, собравшиеся на поляне издавали грозное рычание. Что-то им хотели объяснить, но Вознесенский не понимал чужого языка и, только посмотрев вверх, увидел в свете факела, что их навес устроен под необычным деревом. Скорее всего это был столб, у которого ветви-перекладины были похожи на огромных ворон. Не иначе, как приезжие осквернили святилище, и по законам племени их ждала смерть. Объяснить что-нибудь было невозможно.

Воин вновь высоко поднял факел и бросил его в сторону на кучу хвороста. Запылал костер, который тут же окружили индейцы двумя рядами и запели какую-то печальную торжественную песню. В хор и хоровод включились все и, казалось, о пленниках забыли. Филарет пытался освободиться от пут. Напрягал усилия и Илья Гаврилович, тем более что их ружья и патронташи оста-

лись нетронутыми. Но освободиться не удалось, и оставалось ждать своей участи. А песня летела к небу, и пляска становилась все быстрее и быстрее, а пламя костра поднималось к вершинам сосен и ярко озаряло священный столб.

Легкий плеск весла послышался с реки. Зашелестела трава, и из темноты выглянуло знакомое лицо местного креола Аши, восемнадцатилетнего юноши, которого Вознесенский раза три или четыре встречал в обществе Филарета во дворе дома Ротчева.

— Тсс! Я выйду Вороном, я спасу! — успел шепнуть Аши, но слова его были непонятны.

Танец затихал, а песня гремела над поляной. Вдруг кольцо разорвалось и двое воинов бросились к навесу. «Сейчас все будет кончено», — подумал Илья Гаврило-

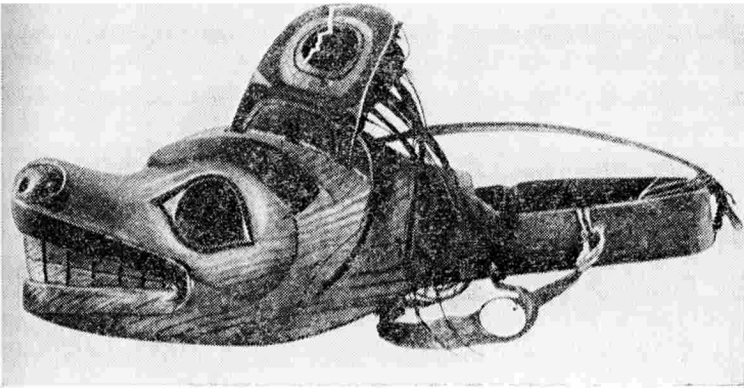
вич, но индейцы схватили их одеяла, патронташи и ружья и понесли к костру. Они бросили все имущество в костер. «Что-то будет сейчас?» — подумал Вознесенский, но многоголосый крик заставил его оглянуться.

Танцевавшие застыли в ужасе, кое-кто упал на землю ниц. От леса к костру приближалось странное существо. Огромное, черное, оно шло прямо, как ходит человек, но там, где должна быть голова, руки, ноги, тело, там всюду были перья ворона. На поляну вышел сам хозяин — дух Ворона — и медленно приближался к перепуганным индейцам, считавшимся детьми Ворона. Дух Ворона подошел к костру совсем близко, когда в огне начали рваться патроны. Ужас охватил всех, и индейцы бросились с криками в чащу леса, а из костра раздавались все новые и новые выстрелы, и горящие пыжи падали на голые тела убежавших. Через мгновение никого не осталось на поляне. Дух Ворона подошел к пленникам и разрубил их путы. Филарет с ужасом отпрянул от чудища, а Вознесенский о чем-то догадался и радостно схватил «воронью» руку — Аши!

— Да, господин, это Аши — дух Ворона!

В это мгновение сильный взрыв раздался от костра, и Аши неожиданно повалился на руки Ильи Гавриловича. В огне разорвалось заряженное картечью ружье Вознесенского.

Спасти Аши не удалось, рана оказалась очень серьезной. Он потерял много крови, и, когда путешественники прибыли в колонию Росс, он прожил только сутки. Аши остался в земле под этим огромным крестом, а среди всех коллекций самой редкой стала парка из вороньих перьев — кукшуй, — употребляемая во время торжественных обрядов. Долго не укладывал ее в ящик Илья Гаврилович, готовя очередную посылку в Академию, и заходившие к нему в дом индейцы в страхе убегали прочь, увидев ее на стене.

Тлинкитская налобная маска-лисица.

Случай на берегах Сакраменто добавил морщин на загорелом и обветренном лице Вознесенского, научил быть хладнокровным в минуту опасности. А опасностей впереди будет много — и в бурных водах океана, и на горных тропах Кеная. Но это будет впереди, а сейчас еще утро 5 сентября 1841 года. Давно свезены на корабль препарированные образцы животного и растительного царства, костюмы и оружие из русских владений в Калифорнии. Когда Вознесенский с Филаретом поднялись на борт «Елены», к бригу причалила последняя лодка с Ротчевым. Он молча поднялся на палубу, сняв фуражку, долго смотрел на покинутое селение, пока бриг уходил в открытый океан, взяв курс на Ново-Архангельск. Мог ли последний правитель колонии Росс догадываться о будущем этого края? В дни «золотой лихорадки» колонизаторы уничтожат коренное индейское население, с которым россияне всегда стара-

лись жить и жили в дружбе и мире... Горечь утраты сжимала сердце, и он был уверен, что до конца жизни ему не забыть ни дней, проведенных в селении, ни этого последнего часа...

— Свершилось! — воскликнул Федор Федорович Брандт и с письмом Вознесенского поспешил к Тринису, где его ждал не меньший сюрприз.

В музейный флигель прибыли первые две посылки от Вознесенского. Затем богатейшие коллекции стали поступать регулярно. Теперь конференция настаивала на подробном освещении деятельности Ильи Гавриловича.

Четыре музея — Зоологический, Ботанический, Минералогический и Этнографический — с нетерпением ожидали новых поступлений с Американского континента. В это время Вознесенский, покинув в начале 1842 года колонию Росс, вновь отправляется на компанейском судне в Калифорнию, по теперь уже в ее южную часть.

С лета 1842 года до весны 1845 года Вознесенский проводит исследования и сбор материалов на острове Кадьяк и в Кенайском заливе, делает зарисовки быта и приобретает различные предметы у алеутов, тлинкитов и атапасков¹. Под его влиянием многие деятели компании, главный правитель Российских колоний в Америке А. К. Этолин активно помогают собирать коллекции для Академии, посылают в дар свои собственные приобретения.

В 1843 году конференция, учитывая, что Вознесенский добился поразительных результатов, продлила срок пребывания его в командировке, чтобы дать ему воз-

¹ Атапаски — племя охотников на оленей, обитавшее в приполярных районах Северной Америки.

возможность посетить Камчатку и Курильские острова. Затем этот срок продлевался еще дважды. С 16 мая 1845 года по 30 сентября 1848 года Илья Гаврилович Вознесенский ведет работу в крайних северо-западных районах России, и отовсюду морем через Петропавловский порт, сушей через Охотск в музей Академии идут посылки с зоологическими, ботаническими, этнографическими и минералогическими коллекциями.

Для конференции стало уже привычным слушать отчеты академика Брандта о новых научных делах и подвигах Вознесенского. Вот почему заявление Федора Федоровича 9 июня 1848 года на заседании конференции о том, что более года от Вознесенского нет известий, всех серьезно встревожило. Некоторые поговаривали о необходимости начать розыски, другие даже вели речь о некрологе. Но решили повременить. 11 августа Брандт сообщил, что получено письмо от 17 ноября 1847 года, и исследователь думает в 1848 году вернуться в Санкт-Петербург.

В письме не было ни слова о том, что, отметив свое тридцатилетие на берегу Охотского моря, Илья Гаврилович стал чувствовать недомогание, постоянную боль в груди — следствие длительных простуд, вынужденного купания в холодном океане, когда однажды перевернулась лодка и он оказался в воде (его спасли алеуты), огромного перенапряжения, физического и нервного.

В личном письме Брандту от 12 июля 1848 года Илья Гаврилович впервые сообщает, что врачи, боясь за состояние его здоровья, не рекомендуют возвращаться в Петербург через Охотск и далее сухим путем, так как поврежденные легкие могут не выдержать нездорового климата и длительной езды на лошадях. Оставался один путь — перебраться на остров Ситху и оттуда, воспользовавшись кораблем компании, вернуться на родину.

30 сентября 1848 года Илья Гаврилович Вознесенский на корабле «Атха» покинул остров Ситху и, совершив кругосветное путешествие, 22 июля 1849 года благополучно прибыл в Кронштадт.

Десять лет Илья Гаврилович Вознесенский не был на родине. Из них девять он, выполняя задания Академии по сбору естественных и искусственных произведений природы и человека, провел в Северо-Западной Америке, на Камчатке, Курилах и прилегающих районах крайнего северо-востока России.

Благодаря его упорству и старанию музеи Академии обогатились редкими собраниями, которые и по сей день служат науке. Им было собрано и доставлено в Зоологический музей около 6 тысяч экспонатов; в Ботанический музей — свыше 7 тысяч; в Минералогический — почти тысяча; в Этнографический — свыше тысячи.

Все коллекции были превосходно препарированы, законсервированы и упакованы, что позволило современникам считать их лучшими собраниями музеев.

Заслуги Ильи Гавриловича Вознесенского были несомненны, и Академия решила хлопотать о награждении исследователя. В 1851 году в представлении Академии было записано: «Конференция Академии наук свидетельствует, что многотрудное поручение последней экспедиции исполнил Вознесенский с самоотверженностью и совершенным успехом.

Ученые плоды этой замечательной экспедиции богатством, разнообразием и важностью превзошли все ожидания Академии. Собранные им предметы из трех царств природы и по части этнографии заключались в 150 ящиках, доставивших богатейший материал нашим ученым-естествоиспытателям. Множество новых видов животных и растений уже описаны; число их дойдет до 400 и более...

И. Г. Вознесенский в последние годы жизни.

...Сверх того, он обучал искусству препарирования многих лиц, проживающих в тех краях, которые продолжают ныне по его наставлениям собирать для Академии естественные произведения.

Столь редкий пример самобытного дарования и добросовестного исполнения обязанностей и столь вещественная польза, принесенная десятилетним путешествием Вознесенского, подвергавшего жизнь свою из любви к науке непрерывной опасности и расстроившего свое здоровье, вынуждает... представить о заслугах его Академии на начальническое внимание...»

Вознесенский вернулся в Петербург, когда с должности консерватора ушел Шрадер. Казалось бы, за долголетнюю плодотворную работу и большие заслуги Академии следовало бы не только просить орден, но назначить Вознесенского консерватором. Но это простое дело в царской России оказалось невозможным. Человек, совершивший научный подвиг, сделавший то, что под силу лишь целой экспедиции, не мог занять место консерватора, так как он принадлежал к низшим социальным кругам. Академик А. А. Штраух, который в 80-х годах был директором Зоологического музея и который высоко ценил заслуги Вознесенского, писал, полностью соглашаясь с такими порядками, что Илье Гавриловичу «ни происхождение, ни воспитание не давали права занять классной должности...».

Лишь настойчивые усилия Ф. Ф. Брандта и других академиков позволили добиться по «высочайшей милости» разрешения в 1852 году зачислить И. Г. Вознесенского на действительную службу с производством в чине коллежского регистратора, а в 1853 году за выслугу лет ему «пожаловали» чин губернского секретаря. Несоизмеримы были и награды и «титулы» в сравнении с содеянным.

Получив действительную службу, переселившись на-

конец из академической каморки в небольшую квартиру, которую облюбовал еще накануне экспедиции, Илья Гаврилович в 1858 году женился, но уже через три года овдовел, оставшись вдвоем с малолетней дочерью Надеждой.

Житейские невзгоды подтачивали здоровье. Не хватало средств на обучение дочери, на врачей и лекарства. В ночь с 17 на 18 мая 1871 года, успев до болезни дать нужные советы по сбору коллекций Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю, отправлявшемуся к южным островам Тихого океана, Илья Гаврилович скончался.

На Смоленское кладбище его провожали тринадцатилетняя дочь, академик Федор Федорович Брандт да два сотрудника музея П. А. Першцетский и Б. Л. Модзалевский.

Из жизни ушел человек, таланту и полувековому труду которого четыре музея бывшей Кунсткамеры обязаны ценнейшими коллекциями, значительно укрепившими авторитет русской науки. Ушел человек, который отдал всего себя любимому делу, оставив единственную дочь без всяких средств к существованию. Судьба ее осталась неизвестной. Умер академик Брандт, последний из тех, кто благословлял Илью Гавриловича на подвижничество и подвиг. Через десять лет после смерти Вознесенского были преданы забвению его дела, его имя.

Как не горестно сознавать, но даже демократическая печать России не могла тогда оценить сделанное И. Г. Вознесенским и сохранить память о нем. Причиной тому было обособление императорских музеев от общественной жизни и отсутствие печатных изданий, пропагандирующих уникальные коллекции. Должно было пройти время, должен был настать день, когда труды шедших первыми получили известность и призна-

ние. Прошло это время, и в годы Советской власти благодарные потомки восстановили справедливость, воздали должное человеку, чей титанический труд в свое время превзошел «все ожидания Академии» и даже в наше время поражает грандиозностью свершенного.

Для истории Кунсткамеры и ее музеев сделанное И. Г. Вознесенским значительно превышает даже то, что было сделано до и после него такими всемирно известными учеными, как Паллас и Крашенинников, Миклухо-Маклай и Козлов.

НАСЛЕДНИК ЗДАНИЯ И ПЕРВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КУНСТКАМЕРЫ

До сих пор не только ленинградцы, но и многие приезжие называют музей на берегу Невы Кунсткамерой, что нередко переводится как «чудес палата» или «палата редкостей». Такое название справедливо лишь отчасти и скорее всего приложимо к самому зданию и тем коллекциям старинной Кунсткамеры, в которых были представлены предметы культуры и быта иноземных народов и народов России, к некоторым инструментам и анатомическим препаратам. Но само слово «Кунсткамера», давно получившее права гражданства в нашем городе, имеет большую притягательную силу.

В здании бывшей Кунсткамеры, снова увенчанной через двести лет (как и до пожара 1747 года) куполом с моделью планетной системы — армиллярной сферой, расположены сейчас два академических музея — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого и Мемориальный музей М. В. Ломоносова.

Мемориальный музей М. В. Ломоносова занимает третий, четвертый и пятый этажи башни, то есть бывшие конференц-зал Академии и академическую обсер-

ваторию, а также тот этаж, где расположен Большой академический глобус Тирютина.

Основные помещения Кунсткамеры и пристройки к ней по Таможенному переулку заняты экспозициями Музея антропологии и этнографии — редчайшего в мире собрания предметов культуры и быта народов всех населенных континентов земли и вещественных памятников истории формирования человеческого общества.

Музей антропологии и этнографии, положивший начало академическим, научным, антропологическим и этнографическим центрам нашей страны, возник на базе Этнографического музея и анатомического отдела Зоологического музея бывшей Кунсткамеры.

Выделенный из Кунсткамеры Этнографический музей оказался в наихудшем положении. Значительная часть несомненно этнографических коллекций сохранилась за Азиатским и Египетским музеями. Под экспозицию были отведены часть второго этажа Кунсткамеры и надстройки на шкафах в экспозициях Азиатского музея. В течение восьми лет у него не было директора. Здание Кунсткамеры зимой не принимало посетителей, так как оно не отапливалось.

Однако на основе полученной инструкции И. Г. Вознесенский отправлял американские коллекции именно Этнографическому музею. Поступали собрания и от других исследователей или просто дарителей. Ценнейшие вещи лежали нераспакованными, и музей походил на склад. Историк музея и его хранитель с 1865 по 1906 год Ф. К. Руссов с горечью замечал, что с 1858 года музей фактически стал недоступен для широкой публики и малодоступен для ученых.

Положение центрального научного учреждения и хранилища этнографических предметов не соответствовало тому общественному интересу, который проявляла в те годы передовая Россия к этнографии. Во второй поло-

вине XIX века, когда завершился этап накопления фактов и данных о жизни других народов, наступает пора обобщений. Этнография оформляется как наука во многих странах Европы, основывая свои выводы на эволюционном учении Дарвина. В России этнография становится самостоятельной научной дисциплиной в системе наук о Земле и с 60-х годов XIX века приобретает все больший общественный резонанс, который ярко подчеркнут в словах великого революционного демократа Н. Г. Чернышевского: «Каждое племя, стоящее на одной из степеней развития между самым грубым дикарством и цивилизацией, служит представителем одного из тех фазисов исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами в древнейшие времена. Поэтому этнография дает нам все те исторические сведения, в которых мы нуждаемся».

С 1865 года функционировало отделение этнографии Русского географического общества, были созданы этнографические центры в Москве. Уже завершилась кунсткамерная по существу эпопея И. Г. Вознесенского и готовился к поездке для сбора только антропо-этнологического материала Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Познать быт и нравы народов Африканского континента на собственные средства отправился в дальний маршрут географ и врач Василий Васильевич Юнкер.

Этнография выступала как часть общей науки о человеке, и экспозиция ее музея уже не мыслилась без сопровождения антропологическими экспонатами, способными с эволюционных позиций рассказать историю происхождения человека и его культуры.

С этой целью в 1860 году академики К. М. Бэр и А. А. Шифнер, директора соответственно Анатомического и Этнографического музеев, выдвинули проект создания объединенного музея. Проект этот был утвержден лишь спустя восемнадцать лет.

5 декабря 1878 года физико-математическое отделение Академии, по которому числились оба музея, приняло решение создать единый музей. 10 ноября 1879 года Государственный совет рассмотрел предложение Академии и постановил: «Вместо существующего при императорской Академии наук Анатомического музея устроить из принадлежащих ему коллекций, а также коллекций Этнографического музея — Музей по антропологии и этнографии».

Полное название музея было «Музей антропологии и этнографии преимущественно России», а в Уставе записывалось: «Этнографический музей — центральное учреждение в Империи для изучения различных человеческих племен и их культурного развития, особенно живущих в Русском государстве...» Кроме этого, в Уставе подчеркивалось, что музей должен «собрать по возможности полную коллекцию этнографических и антропологических предметов всего человеческого рода, а главным образом народностей, живущих в пределах Русского государства или имеющих с Россией более тесные отношения.

...Этнографический музей должен быть, по возможности, открыт для публики и доступен всем ученым, занимающимся этнографией, антропологией и археологией, для научных занятий».

Задачи и цели перед новым музеем были поставлены предельно ясно, но царское правительство не позаботилось о материальном обеспечении этих задач. Отчаявшись что-то сделать собственными силами, хранитель музея Ф. Руссов писал: «Размещенный в двух разделенных улицей зданиях, лишенный рабочего кабинета, как в одном, так и в другом отделении, снабженный скудными средствами, ограниченный при наличии соединенных собраний двух музеев рабочими силами одного хранителя и одного служителя — вновь созданный му-

зей представлял в действительности довольно нескладный организм, который имел мало шансов на жизнеспособность, ибо сколько-нибудь решительное фактическое преобразование в переполненных помещениях с самого начала было исключено».

Общественный прогресс в пореформенной России был неукротим, он вызывал к жизни новые силы, способные совершать подвиги ради науки и разума. В те годы, когда хранитель Руссов растерянно ходил вокруг несметных богатств Музея антропологии и этнографии, в самые отдаленные и еще неизведанные края земли уезжали русские экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая, В. В. Юнкера и многих других...

* * *

...Не правда ли, такое случается не со многими? Лишь редким людям приходится читать некролог о собственной смерти.

Василий Васильевич Юнкер дважды побывал в Африке, прожил там в общей сложности десять лет, исследовал истоки Нила. Он разгадал многие географические загадки черного материка, привез большую этнографическую коллекцию.

Четыре года от него не было известий. Друзья и родные успели похоронить и оплакать путешественника, «безжалостно умерщвленного дикими бушменами», как сообщала в большом некрологе одна из иностранных газет.

И вот он снова в родном Петербурге. Закутанный в теплый плед, Юнкер сидел у окна и нервно листал старые издания, красочно расписывавшие его «трагическую гибель». Перевернув последнюю страницу, он отшвырнул газеты и посмотрел в окно на Мойку. Шел

мелкий весенний дождик. Юнкер зябко поежился. Голова начинала тихо и нудно гудеть. Румянец быстро сходил со щек. Лицо с пышными, посеребренными сединой бакенбардами и окладистой бородой покрылось восковой желтизной.

Всего несколько дней, как он снова дома. Речи, радостные восклицания близких и знакомых, теплые встречи, а его не покидает тоска. Неодолимо влечет к недавно покинутому континенту.

Юнкер откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Сейчас начнется приступ. Руки беспомощно повисли, но мозг продолжает работать.

Как во сне, он видит небольшую возвышенность, свой экспедиционный лагерь. Далекая ружейная пальба привлекает его внимание. Он направляет подзорную трубу на горное африканское селение. Отдельные дымки слились в большое облако дыма, встающего над хижинами. Очень скоро огонь охватил все строения. Деревня была расположена на склоне ярусами, и огонь постепенно поднимался все выше и выше, дымной полосой отмечая путь грабителей и поджигателей — газве. Газве — кочевые арабские племена, предводители которых, подкупленные английскими колонизаторами, послушно выполняли волю белых хозяев, нападая на чернокожее население Африки, на своих соплеменников.

Видения приходят снова и снова. Тело уже бессильно, но в разгоряченном мозгу продолжается жизнь. Мысли бессвязны, память словно назло выхватывает из своих тайников только самое болезненное, жестоко отягощая страдания.

Только бы успеть, только бы попытаться сохранить от белых варваров произведения труда и искусства человека с черной кожей. Юнкер торопился. Снова дым. Слабый стелющийся дым. Небольшие деревья саванн, обугленные от пожара. Пепелище и выжженная окрест

травы на месте бывшего селения. Что же это? Неужели опять газве, опять та горная деревня? Нет! Вон хижины погорельцев, десятки голодных и измученных непосильной работой людей. Английские колониальные надсмотрщики в пробковых шлемах. Это все, что осталось от когда-то цветущей области независимых азанде, от области, куда торопился попасть и уже не успел Юнкер...

Очнувшись, Василий Васильевич недоуменно огляделся вокруг, как бы спрашивая, как он попал сюда. Он вспомнил, что о чем-то очень важном думал перед приступом, и напряг память. Конечно, о том, что торопился собрать, чтобы спасти для науки, для человечества произведения африканских народов.

Он позвонил. Вошел слуга.

— Воды и мою сумку, — слабым голосом попросил Юнкер.

Приняв хинин, он раскрыл холщовую экспедиционную сумку, достал листки дневника и принялся вновь перечитывать их...

Когда Василий Васильевич стал чувствовать себя лучше, он освободил три комнаты в квартире и устроил в них выставку всей своей африканской коллекции, которая насчитывала почти 2 тысячи предметов. Доступ на домашнюю выставку был открыт для всех.

И однажды один из посетителей ее передал для Юнкера письмо.

Письмо вызвало сначала усмешку, затем негодование.

— Смотри, Василий Васильевич, — обратился Юнкер к своему двойному тезке, выдающемуся специалисту по языку и истории тюркских народов, академику Василию Васильевичу Радлову. — Он пишет: «...было бы очень жалко, если бы эта великолепная коллекция осталась на родине собирателя, потому что Берлин и Лондон

Деревянные ритуальные маски конголезцев.

были бы очень счастливы приобрести эти коллекции», и он готов содействовать этому. Вот мерзавец.

Радлов хитро улыбнулся в усы и спросил:

— Ну, что вы ответите ходатаю о вашем благе?

— Я ему отвечу, как ответил другим европейским музеям, что как русский подданный и уроженец Санкт-Петербурга я предпочитаю отклонить все предложения и предоставляю всю свою коллекцию безвозмездно нашей Академии наук...

Редкое и единственное в Европе собрание по этнографии пигмеев и азанде, мангбетту и многим другим

народам Африки украсило Музей антропологии и этнографии и заняло достойное место среди других коллекций.

Не менее ценная и не менее уникальная коллекция поступила в 1895 году в тот же академический музей от Николая Николаевича Миклухо-Маклая, который 14 лет провел в непрерывных трудах на Новой Гвинее и других островах Океании, стал другом папуасов и даже пытался защитить их от расистов-колонизаторов.

Все выдающиеся русские этнографы не были бесстрастными учеными, не замыкались в узких рамках своих академических интересов, они активно участвовали в общественной жизни своего времени, выступали в защиту угнетенных и поработенных народов. Это находило горячее сочувствие у передовой русской общественности. Трудami и борьбой Миклухо-Маклая восхищался Лев Толстой, который призывал исследователя написать историю его сношения с людьми иного быта, иной культуры, иного языка и сослужить тем самым «большую и хорошую службу человечеству».

Общественный интерес к этнографической науке вынудил академическое начальство выделить в 1887 году выставочное помещение во флигеле, пристроенном к Кунсткамере по Таможенному переулку.

И по получении мизерных средств на охрану, которых музей добивался два года, в 1891 году удалось открыть его для широкой публики. Но долгая неизвестность музея сыграла свою роль: о нем мало кто знал в то время. Недаром этнограф-путешественник А. Елисеев писал в конце прошлого века: «Среди многочисленных музеев нашей северной столицы самым меньшим вниманием публики пользуется Этнографический музей Академии наук, о самом существовании которого многие из образованных людей едва ли и подозревают; ме-

жду тем этот музей, занимающий весьма скромное помещение, в сравнении с пользующимся громкою известностью Зоологическим музеем, заслуживает гораздо большего внимания публики уже по одному тому, что он посвящен не животным, а «царю создания» — человеку».

Елисеев написал справедливые слова. Этнография уже стала важной отраслью знаний в России; труды русских этнографов привлекали внимание вождей пролетариата Маркса и Энгельса, а главная источниковедческая база русской этнографии — Музей антропологии и этнографии — влачила жалкое существование, задерживалась в своем развитии. Нужен был человек, способный понять общественную значимость и этнографической науки, и музея.

Таким человеком явился Василий Васильевич Радлов. Он возродил былую популярность музея, четверть века (1893—1918) его руководства была эпохой в истории русской этнографии, эпохой, завершающей дореволюционный этап развития этой науки.

Талантливый, жизнерадостный, никогда не мирившийся с рутинной и косностью, новый директор музея добивался превращения его в подлинно научный центр отечественной этнографии. В 1894 году в Петербурге был создан Русский музей, в котором предполагалось показать культуру и быт народов России. Между двумя музеями были четко распределены функции. Музей антропологии и этнографии теперь уже без дополнительных слов «преимущественно России» должен был на материале всего мира демонстрировать процесс сложения человеческой культуры, а этнографический отдел Русского музея (ныне Государственный музей этнографии народов СССР по Инженерной улице, 4) представлял картину этнического многообразия страны и народный быт различных ее национальностей.

Приняв пост директора Музея антропологии и этнографии, Радлов добился от Академии распоряжения о пополнении фондов новыми экспонатами за счет академических средств, а также поощрения пожертвований. Так, поступили многие новые собрания, для которых Радлов добился новых помещений и надстройки третьего этажа во флигеле, примыкающем к Кунсткамере. Без всякой опаски он настаивал на включении в штат музея лиц весьма неблагонадежных с точки зрения тогдашнего президента Академии великого князя К. К. Романова, в том числе бывших политических ссыльных народовольцев В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга.

В 1905 году Радлов был одним из участников «Записки 342-х ученых», заявивших царскому правительству о его бездарной политике в области просвещения России, тормозившей распространение культуры в народе. Только революционная ситуация в стране помешала президенту Академии применить какие-либо репрессии в отношении всех подписавших заявление. Во всяком случае, великий князь питал к Радлову открытую неприязнь. Как-то случился конфликт между директором музея и канцелярией Академии по поводу истраченных сумм на переоборудование экспозиционных залов. Общее собрание Академии вынесло порицание академику Радлову. Тот, в свою очередь, написал президенту объяснение, ответ на которое не получил, но в архиве сохранилось примечание великого князя на подготовленный секретарем ответ Радлову. В примечании сказано: «Проект письма Радлову... мною не послан ввиду моих сухих отношений с Радловым, при которых подчеркнутые места совершенно немыслимы. Ему, нахалу, — много было бы чести». В подчеркнутых местах фактически были принесены извинения за действия канцелярии.

Василий Васильевич Радлов был блестящим специалистом в области тюркского языкознания, филологии,

*В. В. Радлов — директор
Музея антропологии и
этнографии.*

этнографии и истории. Десять лет он прожил на Алтае, был практически у всех групп алтайцев, собрал редчайший фольклорный и этнографический материал, который и по сей день не потерял своей научной значимости. Его авторитет был признан всеми учеными ориенталистами мира, многие зарубежные академии и университеты избрали его своим почетным членом.

Правительство не жаловало почестями директора Музея антропологии и этнографии, но история науки, история русской этнографии не забыла его.

Благодаря энергии Василия Васильевича Радлова за четверть века помещение Музея антропологии и этнографии, которому в 1903 году было присвоено имя основателя Кунсткамеры — Петра Великого, увеличилось бо-

лее чем в 3 раза, штат научных работников в 14 раз. Коллекции поступали в изобилии из разных частей света и к Великой Октябрьской социалистической революции насчитывали более 100 тысяч предметов, превысив прежнее (до 1893 года) число в 5 раз, а число предметов, бывших в 1836 году в Этнографическом музее, более чем в 30 раз.

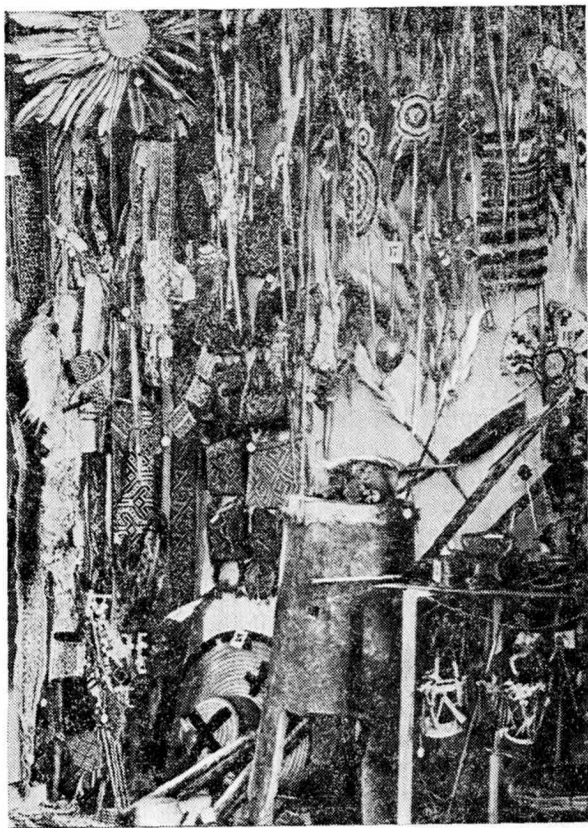
При Радлове впервые были заведены научная регистрация и описание коллекций. Изменилась система сбора материала. От случайных поступлений перешли к планомерным сборам с обязательным всесторонним изучением быта различных народов в полевых условиях, был организован постоянный обмен с европейскими и американскими музеями. С 1900 года стал выходить научный печатный орган — сборник Музея антропологии и этнографии.

Вся деятельность была направлена к тому, чтобы создать из музея настоящий исследовательский центр по всем вопросам этнографии, превратить его в школу этнографии для молодых исследователей и в центр просвещения широких масс.

Радлов создал институт добровольных помощников музея, так называемый «приватный» штат музея, который во много раз превышал официальный штат. При музее работали безвозмездно академики С. Ф. Ольденбург, А. И. Иванов, К. К. Гильзен, Б. Э. Петри и другие.

При Радлове вся трехэтажная музейная пристройка к Кунсткамере была отдана Музею антропологии и этнографии, а в 1914 году уже был решен вопрос о выселении из Кунсткамеры Библиотеки Академии наук и передаче исторического здания Этнографическому музею. Последнее событие, однако, состоялось только после Октябрьской революции, в 1925 году.

Увеличение экспозиционных площадей позволило ежегодно принимать почти 30 тысяч посетителей.

Экспозиция отдела Южной Америки. 1903 г.

Музей становился популярным и способствовал распространению в предреволюционные годы многих передовых идей, связанных с историей народов и мировой цивилизации.

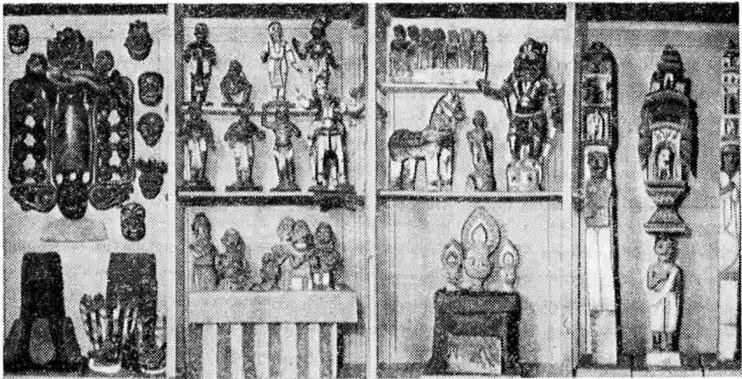
В. В. Радлов со своими сотрудниками заложили основы подлинного возрождения музея и превращения его в ведущий центр отечественной этнографии в после-революционные годы.

* * *

Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Она произошла в многонациональной стране. Перед молодой Советской республикой сразу же встала задача ликвидировать все последствия антинациональной политики царизма, достичь подлинного равенства всех народов страны. Коммунистическая партия и Советское государство проявляют огромную заботу о подъеме экономики и культуры бывших отсталых народов до уровня передовых наций. Социалистическое строительство в национальных окраинах бывшей империи требовало научного знания уровня их развития, создания для бесписьменных прежде народов письменности как важного средства подъема культуры и политического сознания масс.

Выдающуюся роль в этой революционной и преобразующей деятельности, блестящим итогом которой явилось создание Союза Советских Социалистических Республик, а за полувековое его существование формирование новой исторической общности — советского народа, сыграла советская этнографическая наука и ее научный центр — Музей антропологии и этнографии (МАЭ).

Шла гражданская война. Красная Армия отражала натиск белогвардейских армий и интервентов, а в голодном Петрограде в 1918 году усилиями коллег и помощ-

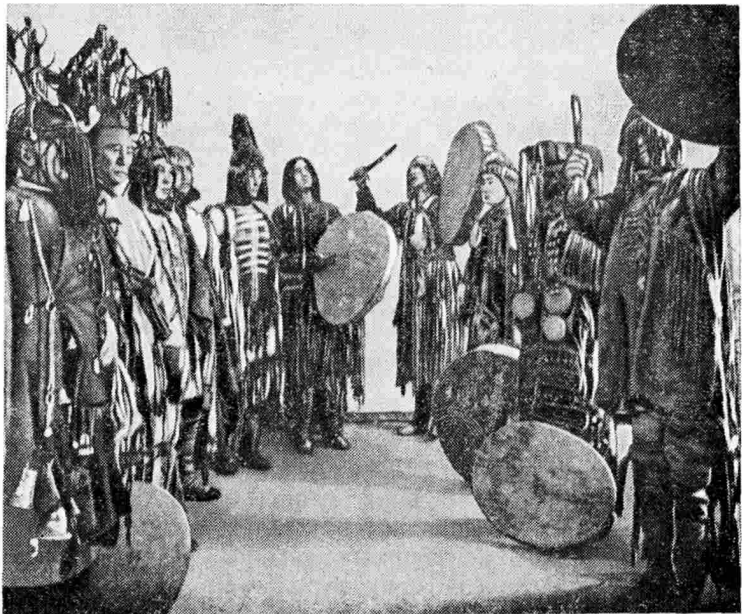
Экспозиция отдела Индии. 1925 г.

ников В. В. Радлова, и прежде всего Владимира Германовича Богораза, открывались экспозиции старейшего музея, призванные теперь служить делу просвещения революционного народа. В нетопленных залах музея частыми гостями становились красногвардейцы, воины пролетарской армии, рабочая и студенческая молодежь.

В том же 1918 году — суровом для страны и революции — в Петрограде возникает первое высшее учебное заведение, готовящее этнографов для практической работы в национальных окраинах, для осуществления социалистического переустройства культуры и быта народов России. Инициатором такой подготовки кадров был В. Г. Богораз, до конца своей жизни (он умер в 1936 году) совмещавший педагогическую работу с научной работой в музее.

Биография Владимира Германовича Богораза во многих, особенно начальных этапах совпадает с биографией его долголетнего соратника и коллеги Льва Яков-

левича Штернберга. В юношеские годы участники движения народовольцев, и Богораз и Штернберг были сосланы в конце прошлого века в ссылку: первый на Колыму, второй — на Сахалин. В ссылке оба стали этнографами, борцами против всякого национального угнетения и мракобесия. Обоих В. В. Радлов после их возвращения из ссылки привлек к работе в музее. Оба продолжали работу в музее после революции, и оба занимались педагогической деятельностью. Но если в Штернберге больше было академизма и даже некой консервативности, то Богораз остался до конца дней своих революционером, активно включающимся в кипучую жизнь обновленной родины. Казалось, для Владимира Германовича не было обычного понятия о времени. Он успевал за один день выступить на митинге или научном заседании, набросать тезисы статьи и еще написать несколько страниц очередной повести. Да, этнограф Богораз был писателем, продолжавшим славную и своеобразную линию русской литературы, начатую В. Г. Арсеньевым, — художественным языком вести рассказ о жизни, культуре и истории народов Сибири и Севера. Свои литературные произведения Богораз подписывал псевдонимом Тан, и его фамилия последние годы была Богораз-Тан. Богораз чутко прислушивался к биению сердца страны, вступая в спор с узкоакадемическими традициями в стенах музея, которых придерживался и Штернберг. Богораз настаивал на изменении характера показа культуры и быта народов мира в сугубо эволюционном плане: от примитивных орудий к совершенным механизмам путем количественных изменений. Он требовал активного усвоения этнографами (как старого, так и нового поколения) марксистско-ленинского мировоззрения, безоговорочного принятия принципов исторического материализма в научной, музейной и практической работе.

Экспозиция «Галерея шаманов». 1925 г.

И все же Богораз больше был практик, чем теоретик, хотя его перу принадлежат замечательные труды, и среди них монография о чукчах.

Явившись одним из инициаторов создания Комитета по делам Севера при Президиуме ВЦИК, В. Г. Богораз, выступая на его заседании в 1925 году, говорил: «Мы должны посылать на Север не ученых, а миссионеров, миссионеров новой культуры и советской государственности. Не старых, а молодых, не испытанных профессоров, а начинающих, только что окончивших курс работ-

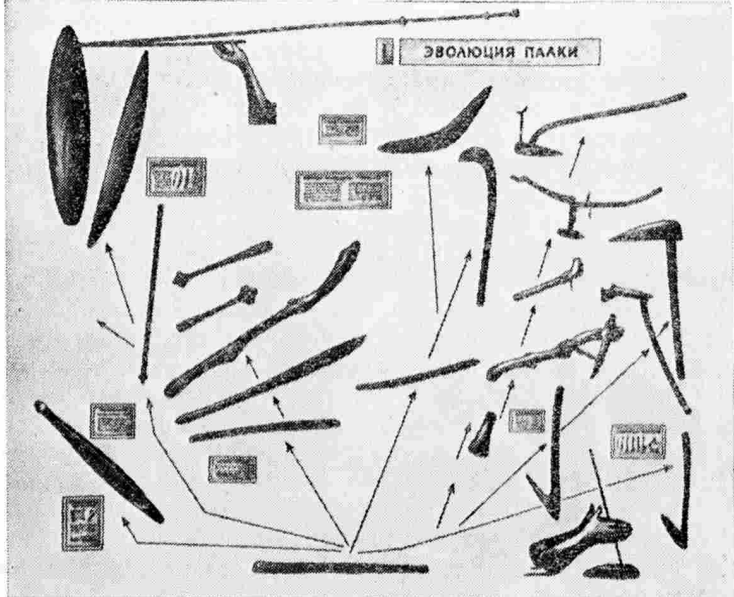
ников, воспитанных новой, советской средой и готовых нести на Север весь пыл энтузиазма, рожденный революцией, и умелость практической работы, отточенную в революционном процессе. Эти молодые работники Северного комитета должны предварительно получить полное и тщательное научное образование, по преимуществу этнографическое. Но на Севере их основная работа не научная, а практическая».

В этом выступлении Богораза отчетливо проявились его расхождения с прежней традицией в этнографии. Он видел смысл и значение деятельности этнографа в умении донести до сознания отсталых масс национальных окраин правду о Советской власти, о ее национальной политике. Молодые этнографы тех лет — это были люди, прошедшие суровую школу гражданской войны, активные участники восстановления народного хозяйства. По окончании вуза они уезжали учителями, культпросветовцами и просто советскими работниками в самые отдаленные уголки страны, где вели каждодневную работу с населением, обогащали свои знания путем постоянного общения с иной культурой, иным языком.

В 1925 году Академия наук СССР отмечала свое 200-летие, и для развешивания новых экспозиций, призванных показать происхождение человека и его связь с животным миром, историю формирования человеческой культуры, Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого было наконец передано все здание Кунсткамеры, из которого выехала Библиотека.

Пристройка по Таможенному переулку была сооружена вплотную к стене Кунсткамеры, имела специальные проемы, открыв которые получили одно музейное здание с площадью для экспозиций в 2,5 раза больше прежнего.

Старший этнограф Л. Я. Штернберг, ученые храни-

Эволюционно-типологическая экспозиция. 1927 г.

тели В. Г. Богораз, Б. Н. Вишневский, С. М. Дудин, И. И. Зарубин, В. М. Лемешевский, А. М. Мерварт, Э. К. Пекарский вместе со своими сотрудниками и добровольными помощниками — студентами этнографического отделения университета — за короткий срок преобразовали музейные экспозиции и в августе 1925 года открыли их для обозрения.

Музей антропологии и этнографии начал новую жизнь, и теперь в его стенах шла просветительская, хранительская, научная и учебная работа. Стало очевидным, что юбилейная выставка, сделанная только в стиле

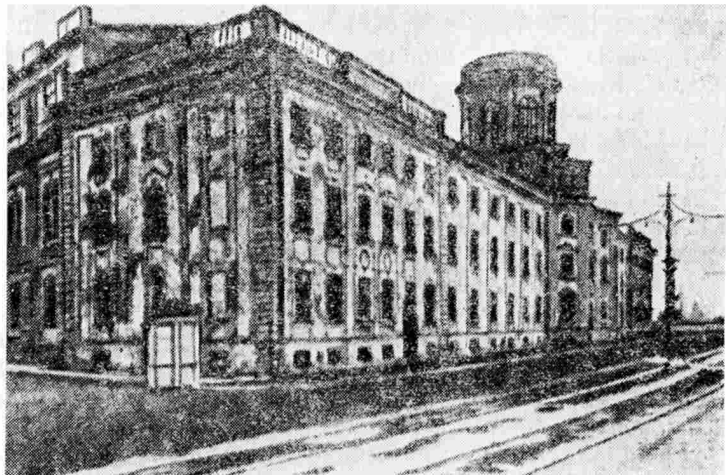
эволюционизма, без показа революционного развития культуры, не отвечает новым задачам. Требовались поиски новых форм и принципов показа истории человеческой культуры. Экспозиции тех первых советских лет типа «галереи шаманов» или «эволюции палки» были или вещеведческими или просто демонстрационными.

Переход к новым методам и принципам работы музея был трудным. Это объяснялось и большим оттоком талантливой этнографической молодежи на практическую работу, и устремлением кипучей энергии Богораза на решение сразу нескольких задач, связанных с его деятельностью в университете, в Музее антропологии и этнографии и с 1931 года в Музее истории религии и атеизма, который он создал и возглавил (этот музей до сих пор размещается в Казанском соборе).

Придавая особое значение этнографии в системе общественных наук, призванных воспитывать трудящихся Страны Советов в духе пролетарского интернационализма, непримиримости к национализму и шовинизму, опираясь на кадры этнографов, прошедших школу советской и партийной работы на местах, партия и правительство приняли в 1933 году решение создать на базе Музея антропологии и этнографии Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР. В 1935 году он был переименован в Институт этнографии АН СССР.

Музей сохранил свое значение как хранительское и просветительское учреждение, как научная лаборатория антропологических и этнографических исследований.

Научные кабинеты разместились рядом с экспозиционными залами. Началась тщательная подготовка к коренному переустройству всех экспозиций и выставок. Некоторые залы были закрыты для переоборудования, но все равно число посетителей в 1940 году составило

Здание Кунсткамеры в годы блокады Ленинграда.

несколько десятков тысяч. Полностью планы реконструкций выставок были завершены в 1941 году, но осуществление их было приостановлено в связи с началом Великой Отечественной войны.

Из восьмидесяти сотрудников, большинство которых были женщины, девятнадцать с первых дней войны ушли на фронт. Оставшиеся переоборудовали подвалы в бомбоубежища, запаковали ценнейшие экспонаты и рассредоточили их по всему зданию, чтобы в случае прямого попадания вражеского снаряда или бомбы не погибли все коллекции. В бывшей Кунсткамере было установлено круглосуточное дежурство, которое не прекращалось и в суровую блокадную зиму 1941/42 года, когда многие уже с трудом передвигались. Двадцать

восемь сотрудников погибли от голода, многие из них умерли на боевом посту — в музейном зале во время дежурства.

В начале лета 1942 года чуть больше половины оставшихся в живых удалось эвакуировать по Дороге жизни на Большую землю. В музее осталось всего пятнадцать человек. Мужественно, самоотверженно спасали они коллекции и продолжали научную работу. В 1943—1944 годах в Москве из группы сотрудников, эвакуированных из Ленинграда, была создана московская часть Института этнографии, которая и явилась основой современного Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в Москве и отделением института и Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого в Ленинграде.

Победу сотрудники музея и ленинградской части института встретили на боевых постах — в залах старинной Кунсткамеры. За четыре года войны в нетопленном помещении горстка мужественных советских женщин совершила подвиг — сохранила коллекции мирового значения.

Когда музей был расконсервирован, выяснилось, что из всего многотысячного собрания экспонатов списанию подлежат только 68 предметов. А ведь в годы войны на здание падали бомбы, снаряды, дежурство несли обесиленные от голода люди.

В 1946 году петровская Кунсткамера вновь открыла свои двери для посетителей. С этого времени принципом экспозиции стал показ культуры и быта народов в их историко-материалистической последовательности — производство, материальная культура, социальный уклад, семейный быт, духовная культура — по строгому географическому принципу. Зал, посвященный происхождению человека, превратился в вводный отдел музея, говорящий о расообразовании и формировании человеческого

общества и его культуры. Многообразие мировой цивилизации демонстрируется во всех остальных музейных экспозициях.

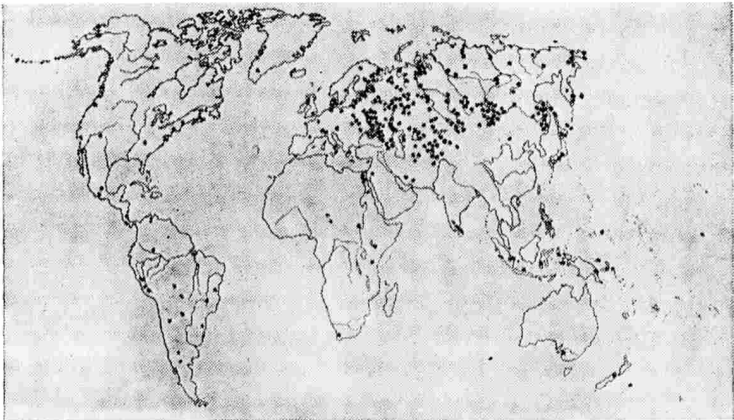
* * *

Прошло больше четверти тысячелетия с момента создания первого русского музея. Старинная Кунсткамера живет сейчас новой жизнью, обретает новую славу.

Теперь в дни, открытые для посетителей, выстраиваются перед входом в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР длинные очереди. Сюда приходят тысячи ленинградцев и гостей города.

Распахнем парадный вход музея на Таможенном переулке и войдем в вестибюль. Справа над лестницей возвышается гигантская скульптура Ракшаса — «духа пожирателя людей», привезенная с острова Цейлон, слева — фантастическое сочетание тигра, носорога, слона, какого-то чудища, леопарда, обезьяны — это бог охоты горных племен Вьетнама. Прибыл он в музей из тропических джунглей Индокитая. На площадке первого этажа слоны из перегородчатой эмали — курильницы восточноазиатского происхождения и почти до самой крыши — тотемный столб — столб предков с берегов Амура. Вдоль лестницы, которая ведет на третий этаж музейной пристройки к Кунсткамере, в настенных витринах — натюрморты и картины из фарфора, эмали, стекла и лака китайских мастеров, среднеазиатские ковры. Знаменитые «каменные бабы» из алтайских и приволжских степей стоят в углах лестничных пролетов.

Из многих тысяч этнографических, археологических и антропологических предметов, собранных в музее, для всеобщего обозрения выставлено чуть больше 15 про-

Карта этнографических коллекций МАЭ.

центов. В залах, которые отделены друг от друга минимальным расстоянием, рассказывается о населении разных континентов и о разных периодах человеческой истории.

15 процентов коллекционных собраний видят посетители музея, остальное не только бережно хранится, но и изучается многочисленным отрядом советских и зарубежных этнографов, археологов и антропологов. 15 процентов — много это или мало? Вспомните, сколько предметов собрано по трем отраслям знаний в бывшей Кунсткамере, и вы поймете, что 15 процентов — это достаточно много! Таких предметов не единицы, не сотни, а тысячи! Всмотреться в каждую вещь, несущую дыхание своей эпохи и заложенного в ней труда, не хватит времени. И все же остановимся перед некоторыми экспонатами, не обязательно исключительными, может быть

рядовыми, но рассказывающими об истории вещей и их собирателях.

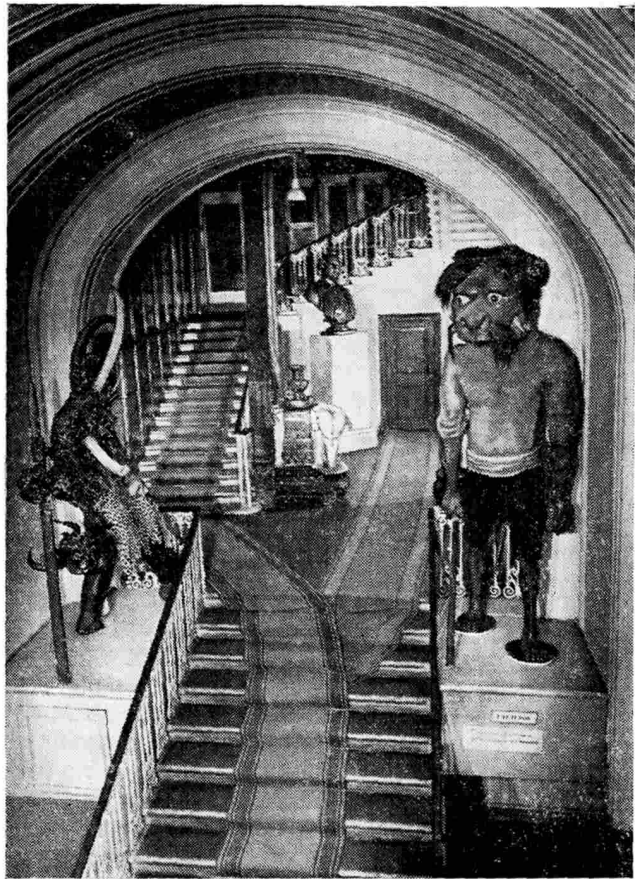
Каждый музейный экспонат, получая в музее своеобразный паспорт: большой номер — номер коллекции и через тире маленький номер — номер, под которым он значится в данном собрании, — из обыденного предмета становится музейной ценностью. Есть коллекции из одного предмета, есть из трех, четырех, есть из десятков и сотен.

В музее существует особая единая регистрационная книга. Она заведена с той поры, как из бывшей Кунсткамеры был выделен Музей этнографии. В нее более 100 лет разными почерками, с разной орфографией заносятся коллекции, поступившие в музей. Порядковый номер в книге становится номером коллекции.

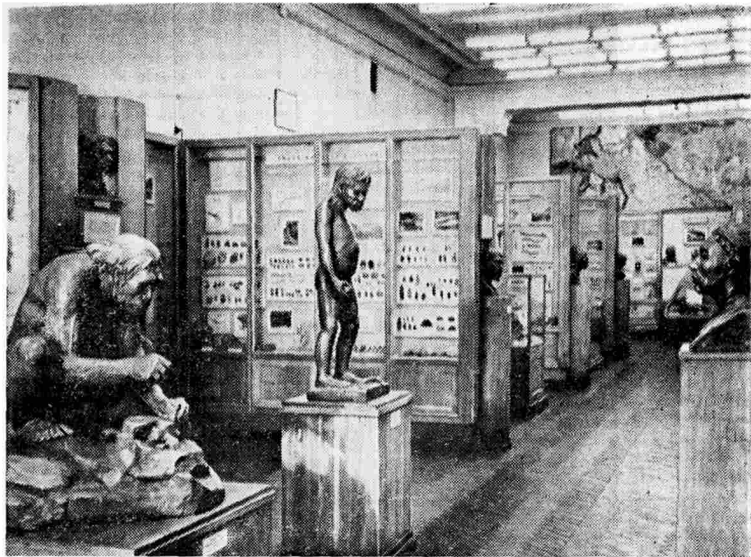
Под номером 1 числится коллекция из двух предметов эвенкийской (тунгусской) одежды, подаренных в 1837 году директором Российско-Американской компании К. Т. Хлебниковым, которых нет в экспозиции, так как этнография народов нашей страны показывается в другом ленинградском музее — Государственном музее этнографии народов СССР. В середине 1973 года в регистрационной книге появился уже номер 6702 — такой номер получила коллекция войлочных ковров, купленная музеем у частного лица. Эта коллекция также не выставлена в залах, но в экспозиции можно увидеть многое другое, ценное и интересное.

Пройдем вновь по музейным залам, пристальнее взглянемся в экспонаты.

Вот мы на третьем этаже, где расположен вводный отдел музея — отдел происхождения человека и ранних этапов его культуры. Здесь показано генеалогическое древо человеческих рас, реконструкции первых обезьянолюдей, неандертальского мальчика из Тешик-Таша и много других реконструкций скульптурных портретов

Центральный вход в музей.

Экспозиция вводного отдела.

наших далеких и очень далеких предков, выполненные замечательным советским антропологом М. М. Герасимовым. Выдающийся скульптор и ученый, профессор Герасимов уже при жизни пользовался почти легендарной славой человека, способного по черепу восстановить облик давно умершего. Блестящее знание природных пропорций и недюжинный талант ваятеля позволяли Михаилу Михайловичу Герасимову буквально творить чудеса. Под его руками мертвые кости обрастали мускулами, и оживало лицо то безымянного синантропа или неандертальца, то великих людей прошлого — Улугбека или Шиллера.

Всю плоскость верхней части торцевой стены занимает копия палеолитической росписи из знаменитой Каповой пещеры, где изображены животные ледниковой поры, населявшие пределы нашей родины. Древние художники изобразили объекты охоты. Далее — шкафы и витрины с орудиями труда и предметами искусства древнекаменного, новолитового, бронзового и железного веков, изделия из камня и кости — памятники таинственной культуры древних эскимосов.

В ввводном отделе представлен почти миллионный период жизни человечества. Оно было единым в своей борьбе с природой, затем каждый из его отрядов в конкретных исторических условиях создавал свою культуру, быт, социальную организацию. Они были первопро-

*Манекен белуджского барабанищика
в отделе Передней Азии.*

ходцами на планете Земля, и опыт каждого из них становился достижением всех. Спустимся по лестнице вниз для встречи с ними. Прежде всего мы попадаем в два обширных зала. Левый демонстрирует этнографию народов Передней Азии и Арабского Востока. Здесь знаменитые персидские ковры и орудия труда арабов. В больших шкафах на подлинных предметах представлена картина повседневной жизни кочевников-бедуинов и переднеазиатский народный кукольный театр — излюбленное развлечение трудового люда. Правый зал посвящен народам Китая, Монголии и Вьетнама. В коллекциях

Музея представлены прошлый и настоящий быт этих народов. Среди фарфоровой утвари, нефритовых изделий, одежды и тканей феодального периода Китая есть такие образцы, которых нет ни в каком другом музее мира. Уменьшенная во всех деталях современная монгольская юрта — основной экспонат монгольской экспозиции, которая показывает, какой путь прошли монголы при постоянной братской помощи народов СССР от беспросветного феодального прошлого к социалистическому настоящему.

Многие вещи Вьетнамской экспозиции опалены огнем войны, которую вели долгие годы народы героического Вьетнама.

Спустившись по короткой лестнице, мы попадаем во второй этаж Кунсткамеры, в зал культуры и быта корейцев.

Здесь выставлена ширма с прекрасными пейзажами выдающегося корейского художника XVII—XVIII веков Чон Сона, которую подарил музею Д. А. Добрынин — советник Пхеньянского педагогического института в 1952—1954 годах. Художественно оформленные ширмы обычно служат в Корее декоративным украшением и частью интерьера жилого помещения. Ширма, которую вы видите в Корейском зале, состоит из восьми деревянных створок. На каждую из них наклеен миниатюрный пейзаж, исполненный на шелку черной тушью Чон Соном. Восемь фрагментов — целая картина, воспевающая красоту и величие Алмазных гор. Художник ведет зрителя от подножия к водопаду Девяти драконов и завершает путешествие на восточном склоне.

Чон Сон родился в 1676 году, умер в 1759 году. За долгую жизнь он создал много пейзажей, портретов, стал основателем школы Синсанчухва, положившей начало реалистическому направлению в корейской живописи.

Китайские фарфоровые изделия. XV в.

Идем дальше по анфиладе Кунсткамеры. Проходим под деревянным портиком с затейливой резьбой, который когда-то украшал вход во дворец Насик (Индия), и попадаем в Индийский зал. Справа нас встречают фигуры традиционного театра и индуистского культа, филигранной работы предметы из кости и серебра, слева — орудия труда и сцена хозяйственной жизни индийской деревни, яркие предметы, характеризующие семейный быт народов Индостана. В центре зала — точно вы-

резанные из слоновой кости модели двух индуистских храмов. Они изготовлены из беломраморного по цвету дерева шоло. Лучи солнца отражаются в замысловатых переплетениях окон храма, а листья на пальмах колышутся в такт нашим шагам.

Индийские коллекции соединяются с предметами из многонациональной Индонезии. Индонезийские орудия труда, образцы украшений и тканей, одежда, культовые изделия, театр теней выставлены и в ротонде второго этажа башенной части.

Сколь изумительна резьба по дереву с острова Бали в зале Индонезии! Внимание привлекает парная скульптура с одним и тем же сюжетом. Изящная девушка с бесстрастным выражением лица (такова уж традиция на острове Бали — передавать красоту форм, но не эмоции) сопротивляется чудовищу, которое заглатывает ее в свою отвратительную пасть. В пасть чудовища девушка погружена по колени. Другая скульптура точно такая же, только здесь девушка повернута направо, а на первой налево. Они как бы смотрят друг на друга. Парная скульптура сделана из тяжелого темного тикового дерева, фигуры прислонены к вертикальной стенке, которая служила подставкой для книг. Быть подставкой для книг — таково утилитарное назначение скульптур, а их символическое изображение напоминало балийцу легенду, пришедшую на Бали из Индии и ставшую частью балийской духовной культуры, о прекрасной богине Луны — Рати и могущественном демоне Рау.

Великий индуистский бог Шива устроил пир. На пиру Шива предложил богам, богиням и демонам вкусить напиток бессмертия. Все сделали лишь по глотку, только могучий демон Рау приказал слуге доверху наполнить бокал бессмертным нектаром. Богиня Луны юная Рати заметила наглость Рау и сообщила о ней Шиве. Разгневанный Шива отрубил наглецу голову, но

Экспозиция отдела Индии.

Рау уже успел вкусить нектара, и голова его стала бессмертной. Голова Рау парит в пространстве в погоне за Рати, и, когда ей удастся настигнуть богиню, раскрывается чудовищная пасть и заглатывает Рати. Но у головы нет туловища, и богиня вскоре вырывается на свободу. Затмение Луны, говорится в легенде, происходит именно тогда, когда голова Рау, хотя бы на короткий срок, поглощает Рати.

Обе скульптуры, имеющие номер 6220-36, 37, подарены музею в 1957 году профессором Ленинградского университета Усманом Эффенди, приехавшим из Индонезии для преподавания индонезийского языка.

Спустимся по лестнице восточного крыла Кунсткамеры и пройдем по первому этажу. Он сохранился по-

что таким, каким был в первые дни постройки. Пожар 1747 года не коснулся его. Первый большой зал — зал Африки.

Здесь представлены культура и искусство черного континента.

Под номером 194 значится деревянная высотой 75 сантиметров фигура мужчины с несколько непропорциональной головой, играющего на барабане. Барабан он держит между ног, левая нога согнута и опирается на подставку. Фигура раскрашена: лицо и туловище — в белый цвет, высокий заостренный головной убор, штаны и затылок — в черный цвет, шея, кисти рук и ступни ног — в красно-оранжевый цвет.

Скульптура поступила в музей в 1889 году в дар от академика А. А. Штрауха, который получил ее от сотрудника Петербургского зоопарка Зефельда.

Фигура барабанщика выполнена в реалистической манере и передает индивидуальные черты. Создана она у крупнейшего народа Конго — баконго — и является мемориальным произведением, посвященным предку — знатному музыканту. Три цвета на фигуре символизируют: белый — траур, красный на ступнях и кистях — так окрашивают покойника у баконго перед погребением, черный головной убор — знатность. Барабаны в Африке играли важную роль в социальной и культовой жизни, сами барабанщики всегда занимали высокое положение в обществе.

В этом зале представлены культура и искусство черного континента, которому очень долго колонизаторы отказывали в праве на самобытность и собственную историю. Копии фресок Тассили из Сахары соседствуют с задумчивыми, пронизанными светом картинами современных художников Африки; старинные копья и метательные ножи — с образцами красочных тканей и циновок. Модель развалин Зимбабве, деревянные и костя-

Картина эфиопского художника Фул-Хейвата, 1911 г.

ные статуэтки, изображавшие богов и духов, животных и птиц, — свидетельства выдающихся способностей их создателей. Особенно примечательны в Африканском отделе уникальные предметы из бронзы и слоновой кости — памятники былой высокой культуры города-государства Бенина, существовавшего многие десятилетия в доколониальной Западной Африке. Когда в XV веке португальцы впервые посетили Бенин, они увидели большой город с прямыми широкими улицами, большими двухэтажными домами, величественными дворцами с башнями. Стены дворцов были сплошь покрыты бронзовыми рельефами. Бронзовые головы царей, цариц, священных животных стояли на алтарях. В 1897 году Бенин был разрушен английскими колонизаторами.

Начиная осмотр Африканского зала, вы прежде всего обратите внимание на бенинскую бронзу — головы царей и цариц, священных животных — крокодила, пе-

туха. А вот и бивень слона с пиктографической схемой царской родословной. Все это — свидетельства незаурядного таланта жителей Черной Африки.

Дальше, за отделом Африки — круглый зал первого этажа башенной части — бывший анатомический театр Кунсткамеры. Сейчас здесь ее анатомические коллекции, а по круглой ротонде за колоннами, в нишах и простенках, находятся первые кунсткамерные вещи, личный гардероб Петра I, его инструменты и легендарная сосна с веткой полукольцом, когда-то росшая на месте здания Кунсткамеры.

Западное крыльцо Кунсткамеры — просторный зал, отведенный традиционной культуре и быту японцев. Здесь показаны костюмы самураев и их оружие, наряды горожан и сельских жителей, чайная церемония и игры в дни праздника мальчиков и девочек, тонкие и изящные фарфоровые чашки и тарелки, лаковые шкатулки и многие другие предметы прикладного искусства. Значительная часть японских коллекций — дар научных и музейных центров Японии советскому народу, Кунсткамере.

Еще несколько шагов, переход через зал, украшенный на потолке лепкой елизаветинских времен, и через дверь-проем мы покидаем бывшую Кунсткамеру и отправляемся на первый этаж музейной пристройки. Здесь два зала, как и на втором этаже. В левом — уникальные собрания предметов быта индейцев Северной Америки. Большая часть их собрана Ильей Гавриловичем Вознесенским. Здесь же кукушуй — одежда из перьев ворона, спасшая жизнь исследователю на берегах Сакраменто.

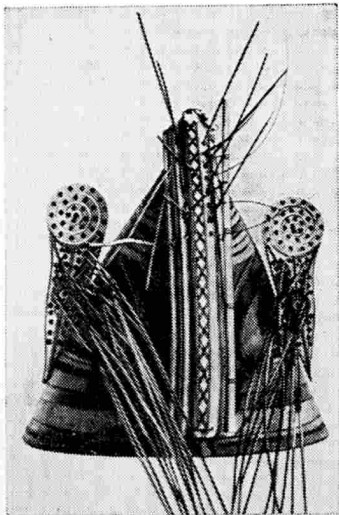
В Кунсткамере представлена самая большая в мире коллекция алеутских деревянных шляп, которые защищали своими козырьками глаза морских охотников и рыболовов от солнечных лучей. Изготовление шляп из

деревянных пластинок, толщина которых чуть превышает толщину обычного листа ватмана, требовало много времени и большого искусства. Недаром одну шляпу меняли на кожаную байдарку или двух-четырех рабов. В своих национальных одеяниях с национальным оружием или орудием труда показаны в зале Северной Америки знаменитые ирокезы и тлинкиты, атапаски и сиу.

В правом зале — коллекция, посвященная племенам и народам Центральной и Южной Америки. Всю глухую торцовую стену зала занимает точная копия знаменитого Камня Солнца ацтеков, найденного при строительных работах в современной столице Мексики и поднесенного мексиканскими учеными в дар ученым героического Ленинграда в честь победы над фашизмом.

Как уже рассказывалось, велика была роль в пополнении, обогащении музея русских и зарубежных путешественников-первооткрывателей. Многие предметы в разных залах привезены ими из-за тридевяти земель!

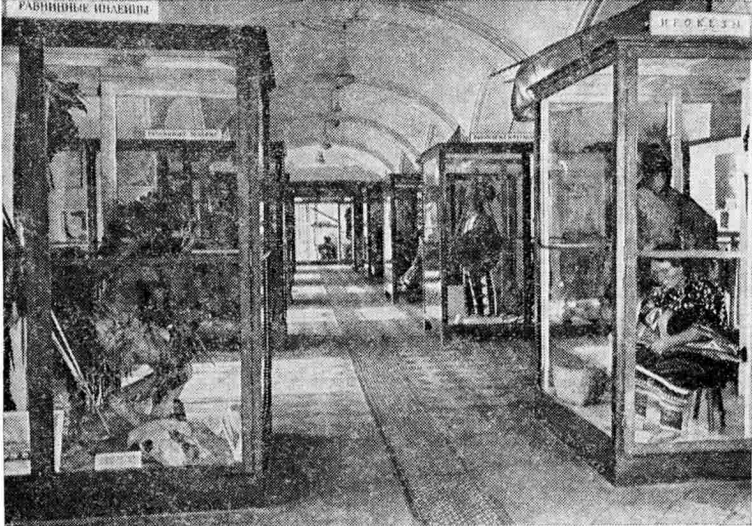
Когда вы идете по залу Южной Америки от входа к стене, которую закрывает копия ацтекского Камня Солнца, то в отделе народов Бразилии невольно обращаете внимание на мужественную скульптуру индейца. Тело его украшено линейной татуировкой и сделанными из многоцветных птичьих перьев браслетами на руках и ногах, набедренной повязкой и перевязью, шлемом. Шлемы, головные уборы, пояса, изготовленные совершенной техникой, чутким подбором цветовой гаммы из перьев тропических птиц, висят на стене шкафа за спиной индейца, орудия из камня и кости лежат у его ног. Это редчайшее собрание по культуре и быту индейцев мундуруку, апиака и бороро, привезенное Григорием Ивановичем Лангсдорфом из поездки в Бразилию в 1822—1828 годах. Русский ученый, путешественник, географ и этнограф Лангсдорф был первым европейцем,

проникшим в амазонские дебри, которые и по сей день остаются загадочными.

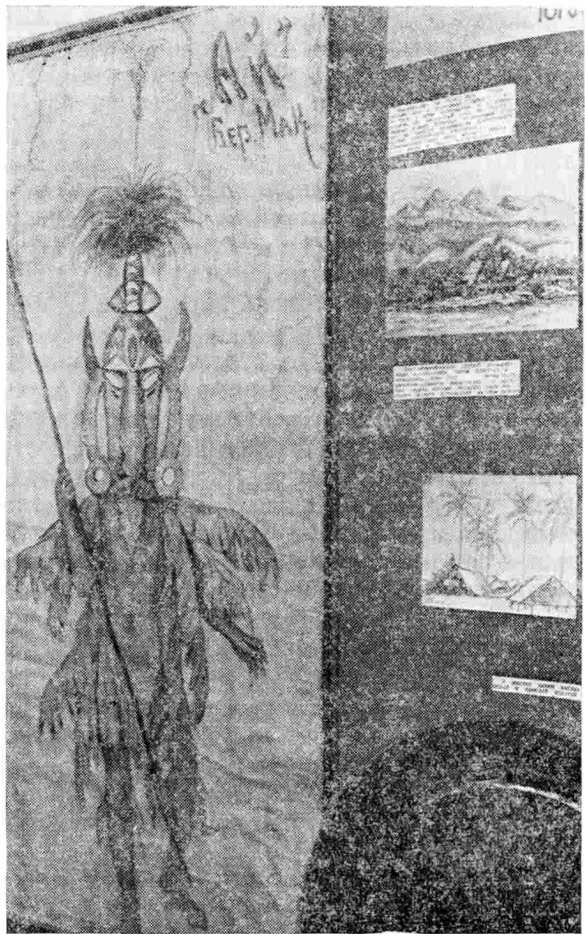
Вернемся в залы второго этажа Кунсткамеры. Пройдем ротондой, где представлены предметы культуры и быта индонезийских народов. Еще несколько шагов — и прямо перед нами волевая фигура первого гавайского короля Камеамеа I, одетого в королевский плащ мамо из перьев крошечных красных и желтых птичек. Таких плащей во всем мире меньше десяти, но плаща Камеамеа I нет больше нигде. Этот обширный зал посвящен народам Океании, и балюстрада, окаймляющая зал на уровне третьего этажа, использована для выставки личных дневников, зарисовок и коллекций Миклухо-Маклая.

Кроме вещей, привезенных Н. Н. Миклухо-Маклаем, и дара куковской экспедиции подавляющее число экс-

Экспозиция отдела Северной Америки.

понатов в этом зале принадлежит великим русским путешественникам — участникам кругосветных экспедиций начала XIX века И. Ф. Крузенштерну и Ю. Ф. Лисянскому, Ф. Ф. Беллинсгаузену и М. П. Лазареву, О. Е. Коцебу, Ф. П. Литке и М. И. Станюковичу. Когда выделившийся из Кунсткамеры Музей этнографии стал приводить в порядок свои собрания, коллекции по Океании были объединены под двумя номерами — 736 и 737. Коллекции стали сборными, и, за редким исключением, теперь можно сказать, что именно привезено той или иной русской экспедицией, а что (кроме гавайских предметов) куковской. Как бы то ни было, но все экспедиции привезли вещи, которые давно стали уникальными.

Экспонаты мемориального отдела Н. Н. Миклухо-Маклая.

В шкафу, посвященном таитянам, висит длинная (до колен) плечевая одежда. Она похожа на рубашку без рукавов, с вырезом для головы, и чем-то напоминает мексиканское пончо, только сделана из ткани, похожей на лист бумаги. Это верхняя одежда таитян, причем знатных таитян, которую они носили до прихода европейцев. Она называлась типута. Типута в музеях мира — редчайший экспонат. Она изготовлена из тапы — самого распространенного в Океании материала, где народы не знали технических культур (только маори Новой Зеландии выращивали вид льна) и ткачества. Тапа — название материи, приготовленной из луба деревьев. Луб не ткут, его бьют, создавая плотный и тонкий квадратный или прямоугольный кусок своеобразной материи. Типута, которая представлена в экспозиции, имеет общую длину около 2,5 метра. В плечах она согнута пополам, в центре вертикальный разрез ворота, который спереди окаймлен остроконечной полосой матового красно-коричневого цвета. На типуте украшения — отпечатки предварительно смоченных в краске малинового цвета листьев папоротника и цветов. Типута — белого цвета, т. е. такого цвета, который имели право носить только вожди и знать.

* * *

Более чем два с половиной века пополняются богатства музея на берегах Невы, и он по праву считается сейчас одним из самых крупных этнографических собраний мира.

В дни 250-летнего юбилея Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого насчитывал в своих этнографических фондах 145 тысяч предметов, в антропологических — 75 тысяч экспонатов, в археологических — 380 тысяч. Грандиозны масштабы собраний. Кол-

лекции не просто бесценны, но многие из них уникальны. Ведь сейчас уже невозможно собрать материалы по культуре и быту многих и многих народов, либо уничтоженных колонизаторами, либо в условиях империалистического гнета утративших свою самобытную культуру.

Музей хранит единственную в мире коллекцию головных уборов американских алеутов и одежду из замши индейского племени атапасков; в витринах и шкафах размещено редкое собрание предметов, созданных руками вымерших или уничтоженных колонизаторами индейцев Южной Америки — огнеземельцев и ботокуда, древних африканских народов азанде и мангбетту. В музее представлены: загадочные говорящие дощечки ронго-ронго, памятники письменности острова Пасхи, творения человека с Гавайских островов и из долины Ганга, с берегов Красной реки и островов Индонезии.

В тысячах экспонатов, выставленных в залах бывшей Кунсткамеры, как в россыпях драгоценных камней, запечатлены результаты труда и представления о духовном мире иных народов.

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого — наследник первого русского музея Кунсткамеры — бессменно несет свою вахту глашатая равенства всех народов, глашатая мира и дружбы разноязыкого племени землян.

Рассказана история первого общественного музея России. Прочитаны страницы героических биографий. Совершена экскурсия по странам и континентам. Остается произнести слова благодарности тем, кто дает жизнь Кунсткамере — Музею антропологии и этнографии сегодня, кто превратил ее из царской сокровищницы в источник познания мудрости и культуры народов, кто пополняет ее собрания, кто заставляет «говорить» уникальные творения рук человеческих.

Им, моим друзьям и коллегам, труженикам этнографической науки, я хочу посвятить несколько слов.

Посетителям музея может показаться, что за дверьми, на которых висят таблички с традиционной надписью: «Посторонним вход воспрещен», скрыто самое сокровенное. Это неверно. Там, за дверьми, — множество книжных полок, ящики с выписками из книг библиотечных фондов страны и мира, специальные шкафы с описями тех коллекций, которые выставлены в музейных залах или хранятся в фондах. Здесь работают научные сотрудники Института и музея. Они стремятся узнать как можно больше о культуре и быте народов и расска-

зять о них всем. Они обогащают нас знаниями, которые наполняют наш ум, нашу память.

Труд их сложен. Он требует таланта и усидчивости, он чаще приносит огорчения, но зато редкая удача дарит безмерную радость.

В мире сегодня живет свыше двух тысяч народов. Каждый из них говорит на своем языке, каждый создает свою культуру — частицу мировой цивилизации. Один народ не похож на другой, но все вместе они составляют человечество. Чтобы познать человечество — нужно знать все народы земли. Задача трудная, огромная, но разрешимая. Этнографы изучают народы, живущие сегодня и жившие когда-то. Самой профессией этнографы призваны путешествовать по странам и континентам, изучать сегодняшний, вчерашний и позавчерашний дни планеты.

Путешествие по современным странам требует специального снаряжения и транспортных средств. Путешествие в прошлое часто совершается с помощью книги, блокнота, карандаша. Обе экспедиции выглядят простыми. На самом деле они — дороги в неизвестное. На маршруте обеих много дорожных развилочек. Куда пойти? Может быть, проще и легче вернуться? Легче, спокойней, но недостойней. Путь в науку всегда сложен, на нем подъемы и спуски, рытвины и ухабы. Бывает, нужна целая жизнь, чтобы, пройдя все тернии, достичь цели.

В традиции первого русского этнографического центра есть такой период, который называется «полевым сезоном». У геологов и археологов «полевой сезон» чаще приходится на весну и лето, когда земля освобождается от снега и раскрывает тайны своих недр. У этнографов «полевой сезон» — круглогодичен. Ведь для человека смена времен года — это смена занятий, одежды, семейных и общественных торжеств. Значит, чтобы узнать

жизнь, культуру, быт и традиции людей, надо видеть их, быть с ними в разные времена года. Полевой сезон этнографов, которые трудятся в старинной Кунсткамере, в московской части Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, в Государственном музее этнографии народов СССР, что расположен рядом с Русским музеем в Ленинграде, может начаться в любой день.

От берегов Невы по обширным просторам нашей страны и далеко за ее пределы протянулись маршруты этнографических экспедиций. Этнографы едут на стойбища оленеводов тундры — ненцев и чукчей, к охотникам тайги — кетам и эвенкам, к рыболовам Амура и Колымы, к скотоводам Тувы и Средней Азии, в горные аулы Дагестана и Памира, в русские города и села великой Русской равнины и древней Поморьи. Они подолгу живут на Гуцульщине и в Полесье, их можно встретить в зимовьях эскимосов Эквена и рыбацких поселках острова Сааремаа. Нет такого уголка нашей многонациональной Родины, где бы не побывали этнографы.

Двадцатилетней девушкой выпускница этнографического отделения Ленинградского университета Глафира Макарьевна Василевич впервые села на эвенкийского верхового оленя. Прошло четыре десятилетия: за это время она прошла и проехала по всем эвенкийским тропам от берегов Тихого океана до Урала. Она помогла этому многотысячному народу Сибири и Дальнего Востока создать письменность, букварь, первые учебники родного языка. Вся ее жизнь была связана с воссозданием истории и культуры эвенков. В стенах старинной Кунсткамеры она обрабатывала полевые записи, создавала труды о разных сторонах жизни народа, которого прежде называли «тунгусами». Помните, Пушкин выражал надежду, что его стихи будет читать «и ныне ди-

кий тунгус». Эвенки читают и знают Пушкина, он переведен на их язык. Давно нет с нами замечательного русского, советского ученого Г. М. Василевич, но и сегодня на просторах тайги эвенки рассказывают легенды о «русской матери-учительнице Глафире».

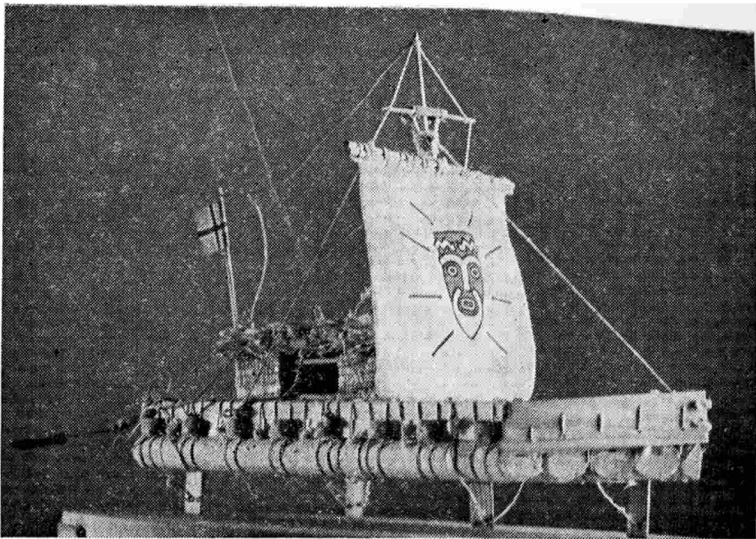
А на берегу Ледовитого океана на полуострове Таймыр нганасаны-оленоводы и охотники тундры вспоминают русского учителя и друга Андрея Александровича Попова. Много полевых сезонов провел с нганасанами Андрей Александрович. Он учил их грамоте и новым приемам охоты и рыболовства, когда лук со стрелой заменило ружье, а вместо перегораживания реки начали применять ставную сеть. В честь несколько странного русского, приехавшего из невообразимого далека, во многих семьях родившимся мальчикам давали имя «Андрей», многие принимали его фамилию «Попов». По поверьям нганасан вместе с именем перейдут на их детей и лучшие качества русского — ум, смелость, доброта, благородство. Большая книга, написанная Андреем Александровичем и названная просто «Нганасаны», поведала миру о маленьком и самобытном народе северных окраин Сибири. Многие годы, проведенные в приарктической тундре, придали характеру А. А. Попова задумчивость и сосредоточенность, казавшиеся мрачностью, что пугало молодых сотрудников при первом знакомстве, но проходили первые минуты и перед собеседниками представал улыбчивый, жизнерадостный и обаятельный человек. И все же у него были свои странности: его трудно было, например, уговорить лишний раз съездить в соседний город, а на Таймыр он собирался в считанные часы.

За дверьми служебных кабинетов сектора народов Сибири портреты Андрея Александровича Попова и Глафиры Макарьевны Василевич висят рядом с портретами В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга.

Романтика странствий придает этнографической специальности особую привлекательность, однако в поездке к людям много нелегкого. Меняются привычный быт, временно установившиеся связи, ритм рабочего дня. В поле этнограф прекращает работу только на время сна. Бывает, по счастливой случайности тебя попутно забросят на самое дальнее стойбище, в труднодоступное горное селение, а потом проходят дни и недели, и нет такого же случая и нет возможности выбраться в другое место. Меняешь планы, живешь и работаешь там, где оказался. Огорчения от задержки уже не вспоминаешь при разборе материала дома, в Ленинграде. Если ты пробыл долго, ты и увидел, и узнал больше.

У каждого этнографа опыт полевой работы — обязательный критерий уровня профессионализма. Поле для него — это воздух науки и жизни. В любую пору года он собирается в дальний поход за знаниями, за коллекциями, которые войдут в экспозиции музея, станут основой новых исследований.

Экспедиции снаряжаются не только по нашей стране, но и за ее пределы. В жизни МАЭ и советской этнографии памятны работы Юлии Павловны Аверкиевой-Петровой и Ирины Александровны Золотаревской у индейцев Северной Америки, Георгия Адамовича Гловацкого и Николая Николаевича Чебоксарова в Китае. В 1970-х годах самыми знаменитыми стали две поездки советских этнографов по океаническим маршрутам Н. Н. Миклухо-Маклая на научном судне АН СССР «Дмитрий Менделеев». Этнографы Ленинграда и Москвы побывали в знаменитой деревне Бонгу на берегу Маклая в Новой Гвинее. Они не только оставили на утесе, где более века назад любил сидеть наш великий соотечественник, памятную плиту, но и собрали новый материал и новые коллекции, отражающие жизнь и культуру папуасов. Нашим современникам представилась редкая

Модель плота «Кон-Тики».

возможность установить изменения в традиционной культуре и обычаях народа за последние 100 лет. Тысячи миль, рассекая волны, шел корабль науки, и всюду, где были стоянки, на берег сходили этнографы. Их трудами пополнилась выставка предметов в залах Океании и Австралии, открылись новые страницы жизни народов бесчисленных островов Тихого океана.

Несколько лет вместе с индийскими учеными работают советские этнографы и антропологи в Индии. Они побывали в разных районах, изучали кастовый и племенной состав огромной страны Азии. И во Вьетнаме работали ленинградские и московские этнографы, про-

ходили тропами в джунглях к цели своей экспедиции — горному селению ман, к памятнику древней цивилизации.

Пройдите по залам музея, по залам бывшей Кунсткамеры, и вы увидите новые материалы, которые поступили в собрание вещественных памятников за последние три десятилетия. Здесь дары знаменитого путешественника Тура Хейердала, и среди них модель легендарного плота «Кон-Тики». Кубинские ученые тоже прислали свои коллекции; уникальные предметы и копии величественных памятников древности поступили в дар из Мексики, Дании и многих других стран мира.

Особая история у новых коллекций из Японии. В конце 1950-х годов японские этнографы обратились к ленинградским коллегам с просьбой собрать для их музея подлинный материал о культуре и быте двух сибирских народов. Ленинградские этнографы Людмила Васильевна Хомич и Евгения Алексеевна Алексеенко вместе со своими товарищами отправились в экспедицию. Одна в ненецкую тундру, другая в Туруханский район на Енисей. Там они собрали образцы одежды, модели жилищ и транспорта, предметы повседневного быта ненцев и кетов. Приняв редкий дар, японские этнографы отправили на берега Невы свою коллекцию, рассказывающую о театре, религии, праздниках и обычаях японского народа.

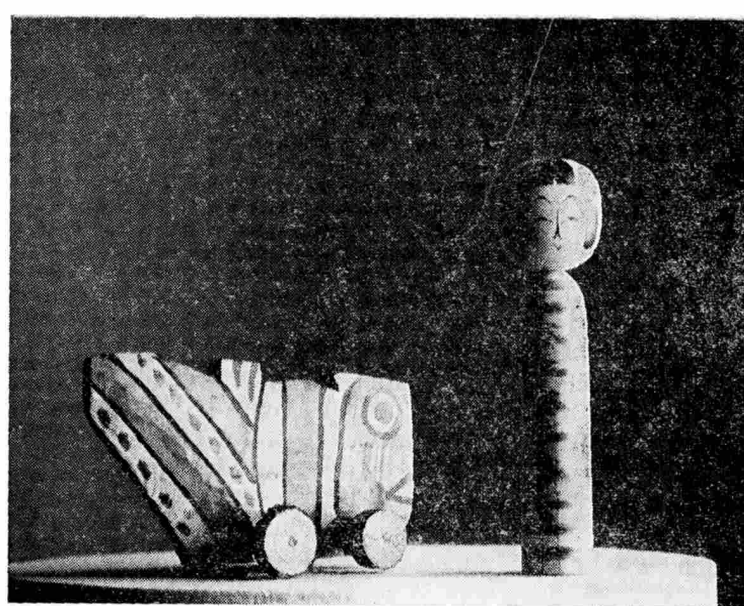
Музейный экспонат — это всегда предмет, бывший в употреблении у далекого или близкого народа. Вот маска чудища из религиозной ламаистской мистерии «Цам» дореволюционной Монголии. Ее надевали признанные и начинающие артисты, она служила долго, но однажды ее увидел Петр Кузьмич Козлов и приобрел для музея. Через пустыни и горы вместе с бронзовыми курильницами и сосудами маску привезли в го-

род на Неве. Маска стала экспонатом. Получила от главного хранителя фондов музея свой номер и уже никогда не вернется на подмостки перед ламаистским храмом.

Изъятая из быта вещь не возвращается в быт — таков незыблемый принцип музейного хранения, который в истории Кунсткамеры был нарушен один раз — во время царствования Анны Иоанновны (для ряжения придворных — участников «Потешной свадьбы»).

А разве не заманчиво было бы облачиться в подлинные кунсткамерные доспехи для съемок какого-нибудь киносюжета из эпохи феодализма? Илья Яковлевич Треногов, проработавший на посту главного хранителя фондов МАЭ почти полвека, обычно говорил членам съемочных групп «Ленфильма», «Мосфильма» или иных студий: «Вы уважаете Эйзенштейна, я тоже. Так для съемок Ивана Грозного он не требовал «шапку Мономаха» в натуре, он делал ее копию. У нас такие же бесценные предметы. Сделать копию мы разрешим, но не больше».

Мало приобрести предмет для музея, его еще нужно сохранить, уберечь от порчи временем. Его нельзя прятать, его нужно показывать всем и каждому. Этим нелегким делом заняты работники фондов Музея Антропологии и Этнографии. Для них примером служат труд и жизнь И. Я. Треногова. Он, окончив этнографическое отделение Ленинградского университета в начале 1930-х годов, пришел на работу в фонды МАЭ. Отсюда он ушел на фронт, закончил войну осенью 1945 года в Маньчжурии. В высоком воинском звании и со многими боевыми орденами и медалями вернулся И. Я. Треногов вновь в отдел фондов. Многим ему обязаны музей и молодежь, пришедшая на смену. Для нее примером служит и беззаветная работа в дни блокады истощенных голодом и измученных холодом музейных работни-

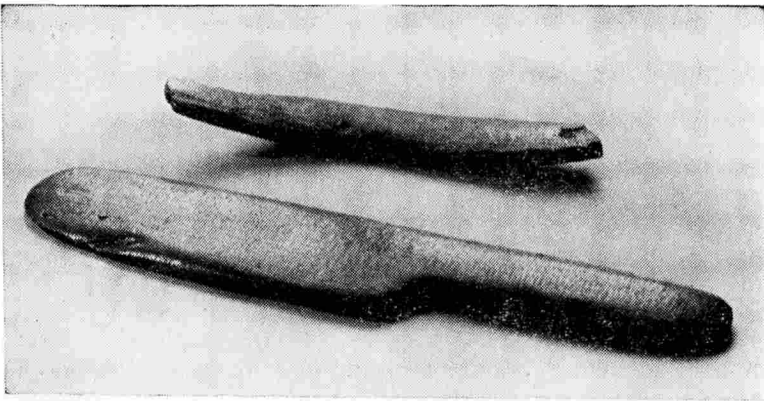
Японские игрушки.

ков, которые спасли от вражеских бомб и снарядов бесценные сокровища мировой культуры.

Хранятся экспонаты главного этнографического собрания страны в старинных академических зданиях на Стрелке Васильевского острова. Им уготована долгая жизнь, потому что у них заботливые опекуны и стражи. Кладовые фондов МАЭ — воистину заповедная часть музея. Туда доступ открыт только сотрудникам, ученым или художникам, надумавшим, например, перенести древний узор тлинкитов — индейцев северо-западного побережья Америки — на современные шторы для окон или на ткань для женского платья.

Едут экспедиции в сегодняшний день, изучают народы, чтобы восстановить их историю, показать роль каждого из них в развитии мировой цивилизации. На земле свыше двух тысяч народов, и подавляющее большинство их не имело прежде письменности, как не имели письменности и практически все народы окраин царской России. Национальная письменность к народам Сибири и Дальнего Востока, Севера и Средней Азии пришла вместе с победой Советской власти. Отсутствие письменности не значило, что народы не имели истории. Восстановить их историю и стало задачей прежде всего этнографов. И советские этнографы отправились в путешествие. Они собирали старинные предания, изучали древние социальные отношения и обряды. Сидя за письменным столом, проникали в тексты иноязычных памятников, пытались найти упоминание об изучаемом народе, листали хроники близких и дальних соседей, исследовали археологический и антропологический материал. Шаг за шагом, страница за страницей восстанавливалась история народа.

Леонид Павлович Потапов, долгие годы руководивший ленинградскими этнографами и обоими этнографическими музеями Ленинграда, связал свою жизнь и научную судьбу с тюркскими народами Южной Сибири. За его плечами десятки полевых экспедиционных исследований, тысячи просмотренных и изученных музейных предметов в музеях страны и за рубежом, многие сотни страниц переведенных старинных письменных памятников — хроник, летописей, рукописей. Нет такого урочища или аила на Алтае, в Саянах, в Минусинской котловине или Кузнецком Алатау, где бы не побывал профессор Потапов. Сегодня, продолжая активно трудиться, он любит показывать ученикам домашний архив — многие папки записей, добытых в незабываемое время «полевого сезона». «У меня на четыре жизни есть ра-

Дощечки «ронго-ронго» с острова Пасха.

Фрагмент.

бота», — улыбаясь, говорит Леонид Павлович. Каждый день в шесть утра он садится к письменному столу, и вязь мелких букв сплетается в повествование об истории тюрков. Четыре народа нашей страны — алтайцы, шорцы, хакасы и тувинцы — обязаны лауреату Государственной премии СССР Леониду Павловичу Потапову тем, что имеют сегодня свою написанную историю.

В истории мировой культуры есть и такие народы, предки которых имели письменность: древние мудрецы замысловатыми знаками фиксировали деяния царей. Для того чтобы узнать, что происходило пять тысяч лет назад в долине Инда, где археологи нашли города, покинутые еще во II тысячелетии до нашей эры, нужно прочитать письменные знаки на печатях, кирпичах и сосудах. А знаменитые таблички «ронго-ронго» (что означает «говорящие дощечки») с острова Пасха, разве не скрывают они загадочную историю каменных изваяний древних рапануйцев? Как прочесть эти дощечки, если нынешние рапануйцы не знают знаков письменности своих предков?

Самобытная культура древних майя оставила иероглифическое письмо на каменных стелах, воротах, фресках, на свитках. Сначала ацтеки, а затем испанские завоеватели уничтожили людей, знавших это письмо, и сегодня среди двухмиллионного населения майя нет ни одного человека, владеющего письмом древних. Так же когда-то было с письменностью народов Древнего Египта, Ассирии, Вавилона. Через другие письменности, через годы и десятилетия труда ученые нашли ключ к известиям первых цивилизаций долины Нила, междуречья Тигра и Евфрата.

Овладение письменностью индийской культуры, острова Пасха, майя — много трудней. Есть набор сложных и простых знаков, короткие или сплошные, без точек и запятых, тексты, но неприменимы к их расшифровке

уже известные науке принципы. Правда, монах Диего де Ланда, уничтожавший в середине XVI века и письменные памятники майя и создателей их, оставил толкование нескольких майяских знаков, но прочесть с его помощью сохранившиеся тексты нельзя. А как нужно прочесть! Как нужно, например, найти и прочесть неразгаданную письменность Анд! Завоевав обширные просторы современных Перу, Эквадора, Боливии и части Чили, покорив родственные самим себе племена, инки создали могучую империю. Прежние традиции употребления письменных знаков инками не поощрялись. Предания повествуют, что высшие священники инков пользовались письмом для составления летописи событий. Испанцы уничтожили всех инков — представителей правящего рода, дабы покоренный народ не имел вождей и не мог сопротивляться. Ушли из жизни те, кто еще мог знать смысл знаков андского письма. До наших дней дошли только отдельные знаки и предания о спрятанных где-то в горах или на дне озер вместе с инкскими сокровищами и свитках с записями. Найти бы эти свитки! Прочитать бы их! Какие бы бесценные сведения о жизни, делах и людях этого легендарного царства открылись нам!

Инкские летописи на андской письменности еще надо найти, а тексты древних майя, рапануйцев и создателей Харапской цивилизации в долине Инда есть. Но и они не донесут до нас вести из далекого прошлого, пока мы не прочитаем их.

Пять тысяч лет назад, когда расцветала Харапская цивилизация, на берегах Инда не было у нее близких соседей, владевших письменностью. Такими же одиночками, хотя и относительно недавно — всего около половины тысячелетия назад, были и майя, и рапануйцы. Как же открыть тайную дверь в загадочный мир? Что может быть подобием сказочного слова «Сезам»?

Долгим был путь поисков, и начинался он в музейных залах Кунсткамеры. Из океанических странствий привез на берега Невы с острова Пасха Миклухо-Маклай деревянные дощечки, похожие на лопасть большого весла. Дощечки испещрены вязью знаков, напоминающих рисунок орнамента, где изображены люди, животные, растения. Рисунчатая лента непрерывно опутывает дощечку, и нет у нее ни начала ни конца. Как будто нет. Не все соглашались с тем, что дощечки несут письменные знаки, что они могут быть страницей или главой книги древних.

У музейной витрины с дощечками рапануйцев долго стоял юноша Борис Кудрявцев, член школьного кружка музея. Ему даже разрешали открывать стекло, брать дощечки в руки, рассматривать их со всех сторон. Перед Великой Отечественной войной Борис пришел к заключению, что на дощечках с острова Пасха — знаки письменности, что в сплошной ленте можно выделить блоки знаков, которые могут обозначать имя собственное, так как они начинаются изображением человека. Борис не дожил до Победы, не дожил до дня, когда его открытие было напечатано в научном издании музея, но он сделал первый шаг вперед на долгом пути.

Также школьником в довоенном Харькове Юрий Кнорозов узнал о неразгаданных письменах майя. Потом была война, была Победа и учеба на кафедре этнографии исторического факультета Московского университета. На первом курсе студент Кнорозов по предложению профессора С. А. Токарева взялся за тему о письменных знаках майя. Он изучал культуру и историю этого народа, а в экспедиции ездил в Среднюю Азию. И в экспедиции свободное время он отдавал древним майя и поискам путей к разгадке их письменности.

Становясь этнографом, Юрий Валентинович Кнорозов начал понимать роль языка в формировании самобытной культуры народа, в передаче ее от поколения к поколению. Важным был вывод, который теперь звучит аксиомой: если в языке, меняющемся на протяжении столетий, есть формы грамматического строя и основного словарного фонда, сопротивляющиеся времени, то можно через живой язык потомков найти разгадку письменного языка их предков. Большинство современных майя считают испанский язык родным, но еще многие говорят по-майяски. Язык майя Гватемалы и Мексики известен, составлены словари и грамматики. Итак, считал Кнорозов, нерасшифрованной письменности древних майя надо найти языковое соответствие в современном мире.

Начался длительный методический подсчет повторяемости знаков в древних текстах, сопоставление с частотой повторений тех или иных частей современного языка. Так были найдены служебные слова, глагольные формы, существительные. Чисто лингвистические данные привели Кнорозова к написанию грамматики письменности майя. Общие этнографические сведения открыли путь к именам собственным, к религии майя, их героям легенд и преданий.

Письменность майя была расшифрована, и тексты прочитаны. За выдающиеся достижения в науке Юрий Валентинович Кнорозов был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Сегодня в нескольких служебных кабинетах Кунсткамеры — МАЭ — трудятся члены группы по дешифровке древних письменностей, которую возглавляет Ю. В. Кнорозов. У этой группы на очереди письма рапануйцев и народов долины Инда. Уже много сделано для прочтения «ронго-ронго», собран и издан материал по фольклору и этнографии аборигенов острова Пасха,

но тексты оказались особо сложными, и впереди много работы. Решена самая трудная на начальном пути задача для будущей расшифровки харапских надписей. Ленинградские ученые, опирающиеся на этнографические данные, сделали безупречный вывод об этнической принадлежности создателей Индской цивилизации. Ее создали дравидоязычные народы, которые до прихода в Индию индо-ариев (а они пришли только в XIII—XII веках до н. э., когда уже минуло почти четыре столетия со времени гибели харапской культуры), населяли и долину Инда и практически весь Индостан. Современные дравидоязычные народы живут на юге Индии и на севере Шри Ланка, их более ста миллионов, а в зоне древнеиндийской культуры сохранились брагуи — родственники по языку дравидам, возможные потомки древнейшего населения этих мест. Если известна языковая принадлежность создателей протоиндийского письма, то есть надежда, что археологи найдут новые и более обширные тексты, а группа Кнорозова подберет к ним ключ, и мы с вами получим известия о жизни, деятельности и чаяниях тех, кто начинал историю цивилизации на просторах Южной Азии.

Написанные истории бесписьменных прежде народов, дешифрованные письменности древних, разгаданные тайные заселения островов Океании, континентов Австралии и Америки — все или почти все начиналось в научных кабинетах Кунсткамеры — МАЭ — Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. И всякий раз оказывал помощь ученому музейный экспонат. Потому его и называют бесценным. В нем самом, в его форме, материале, украшении, как в сложнейшей ЭВМ, заложена память веков и поколений.

Не торопитесь проходить музейные залы, остановите взгляд на том, что видите, задумайтесь и представьте,

сколько времени и какое расстояние пришлось преодолеть каждому предмету до этой встречи с вами?

Кунсткамере и ее первым коллекциям уже более 265 лет. Смотрите, вглядывайтесь в произведения рук человеческих и помните о тех, кто собрал и сохранил все эти богатства для вас. Помните о тех, кто начинал познание народов России и мира, кто продолжает гуманитарную традицию русской науки сегодня. Спасибо им за труд во имя людей и для блага людей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Колыбель русской науки	9
Вышедшие из колыбели	29
Успехи «превзошли все ожидания Академии» . .	51
Наследник здания и первых коллекций Кунстка- меры	75
Послесловие	118